

НЕКРОМАНТИКА

на факултетите
таксидермии

ЛЕКЦИИ

В жизни каждой девушки непременно наступает ТОТ САМЫЙ момент. Вот и Аля захотела доказать если не всему миру, то хотя бы родителям свою самостоятельность, взрослость, талантливость и... и... и волосы очень не хочется перекрашивать!

•

Декан факультета таксидермии приветствует студентов в вестибюле вот уже 120 лет.
(с) истинная правда

Засунув сундук с личными вещами, учебными принадлежностями и милыми сердцу вещицами под кровать, Аля плюхнулась на нее и с восторгом огляделась по сторонам.

Неужели она в самом настоящем студенческом общежитии в самом настоящем институте на самом настоящем краю земли! Правда, следовало признать, что «край земли» был относительным и располагался всего в паре сотен миль от родного дома, но если не покидать этот самый дом в одиночестве, то и сотня миль покажется краем мира, а целых две — и вовсе за гранью оного.

Восторг вытеснял и усталость от длительного и непривычного переезда (почтовый дилижанс для девушки, что привыкла путешествовать порталами, еще то испытание на выносливость!), и вполне оправданный мандраж перед началом учебного года, и нетерпеливое ожидание знакомства с соседкой. Уже само наличие соседки делало комнату чем-то невообразимым, чуть ли не волшебным и сказочным. В остальном же новое обиталище не слишком радовало сказочностью или чем-то иным, что могло бы вызвать неземной восторг.

Безликая светлая коробка, вмещающая две кровати, два стола, две тумбочки, два стула и шкаф. Шкаф подпирал стену у входа в гордом одиночестве. Видимо, для разнообразия и создания хоть какой-нибудь общности у девушек — ведь его придется как-то делить! Две девушки, у каждой немалый ворох одежды, и — один шкаф.

Задумавшись о разделении шкафа, Аля мысленно дошла до картинке распиливания деревянной «туши», уложенной прямо посреди комнаты, огромной ржавой пилой, которую в разные стороны тянули запыхавшиеся студентки, фыркнула и весело трянула светлыми кудряшками, прогоняя безумное видение. Видение успешно убежало, а Аля еще раз сбегала ванную комнату, замаскированную под второй шкаф. Точнее сказать, дверь в ванную выглядела ровно как дверцы шкафа и располагались напротив настоящего, так что девушка в первый момент изумилась, когда вместо вешалок узрела раковину и душевую кабину. Но потом быстро разобралась и посмеялась над «креативностью» завхоза, устроившего подобную странность.

Заняв своими умывальными принадлежностями левый от зеркала шкафчик («лево» ей всегда нравилось больше «права»), Аля вернулась на место, одернула на всякий случай подол скромного голубенького платья и принялась дальше ждать. Первое построение студентов состоится через час, так что соседка должна была непременно вот-вот появиться.

Однако прошло целых полчаса, заставивших Алю начать потихоньку нервничать, прежде чем в комнату ворвался огненно-рыжий смерч. Как девушка потом выяснила на

собственном опыте, подобный способ передвижения (бег) вечно везде опаздывающая Сильва использовала постоянно. И все равно умудрялась опаздывать.

— Я не опоздала?! — спросило на повышенных тонах создание, укутанное в алые развевающиеся шелка, к тому же (видимо для пушшего эффекта) расшитые золотыми нитями, и сдула со лба рыжую прядь. — Комендант сказал, что я буду жить тут, а еще он сказал, чтобы я поторопилась, а то у меня часы остановились и я не знала, что нужно торопиться, а с ощущением времени у меня плоховато, я прям не знаю, что я буду делать, ведь, как говорят, без этого ощущения времени хорошим магом-боевиком не станешь, а я хочу стать очень хорошим магом, не хочу прозябать в провинции, хочу отправиться на границу, ведь там сейчас творится самое интересное, а в провинции — фи! — ничегошеньки интересного, скукота одна, ведь правда?!

Оглушенная словесным потоком Аля, распахнув глаза, наблюдала за соседкой, умудрившейся во время монолога втащить в комнату и распихать по углам четыре небольших сундучка, три кожаных баула и замотанную в тряпицу (тоже алую!) клетку, и не сразу осознала, что вопрос обращен к ней.

— Ага, — немного заторможенно кивнула девушка, глядя, как соседка торжественно устанавливает на свой стол клетку.

— Ой, а ты тоже будешь боевиком? — удовлетворенная клеточной (или клетковой?) установкой, рыжая стремительно обернулась и расплылась в широкой улыбке, открывшей небольшую щербинку между зубами. — Мы могли бы вместе тренироваться, а потом поехать на границу! Кстати, меня зовут Сильва.

Соседка подскочила к Але и энергично потрясла ее кисть, выглядящую очень светлой, чуть ли не синюшной по сравнению с загорелой рукой рыжей.

— Аля, — представилась девушка. — Только я не боевик, я таксидермист.

— Ооо... — соседка застыла, уважительно округлив рот, и тут же затараторила вновь: — Слушай, а ведь мы все равно можем заниматься вместе! Я буду на твоих зверушках тренироваться, заодно тебя подтяну по мечу и физподготовке, смотри ты какая худенькая да бледная!

Аля, никогда не считавшая себя заморышем, в замешательстве глянула на свои ноги и грудь (все, что оказалось доступно взгляду) и сравнила с соседкой. Ну да, по сравнению с широкоплечей и крепенькой, как боровичок, Сильвой она действительно смотрелась бледной поганкой, особенно в голубом. Но ведь именно этого и добивалась, да? Чтобы никто-никто не смог даже догадаться, кто она на самом деле. Так что слова Сильвы можно было принять за комплимент.

Додумать мысль Але не позволил вопль соседки «Опаздываем! Побежали!», с которым ее сдернули за руку с кровати и потащили по направлению к двери.

И они побежали.

Осенняя погода мягко золотила все вокруг, наполняла воздух пряным запахом деревьев, готовящихся к зимнему красочеству, так что стоять на плацу оказалось очень приятно. Вдыхая полной грудью воздух, полный незнакомых запахов, Аля счастливо шурилась на солнце, легкомысленно пропуская мимо ушей приветственную речь ректора. Зачем слушать, если устав университета уже пролистан, как и все остальные документы, врученные первокурсникам? А что-либо важное вряд ли будет сказано на первом построении.

Вернее, Аля может быть и хотела бы пропустить речь мимо ушей и продолжить любоваться окружающими красотами, но пристроившаяся рядом Сильва едким шепотом

комментировала все, что ей не нравилось. А не нравилось боевику почти все — елейность речи (словно обращаются к маленьким детям, а не будущим воинам), расплывчатость и неконкретность (почему не сказали, когда можно будет начать боевые тренировки?), призывы к учебе (как будто все пришли лоботрясничать!). Даже слова о патриотизме не нашли должного отклика в кровожадной душе рыжей, нашедшей в них слишком много «гнилого пафоса».

Странно, но Алю совершенно не раздражало бурчание соседки, а посередине речи ректора даже начало смешить, так что пришлось вслушиваться в громогласное торжественное воздусотрясение. Правда вставить ни словечка в комментарии Сильвы не удавалось, но девушка и не стремилась к этому. Единственное, что захотелось уточнить — почему это пафос гнилой, но студентов принялись интенсивно разгонять по факультетам, так что рыжая, энергично помахав рукой, ускакала к боевикам. Аля же двинулась в толпе, отдаленно напоминающей отару, к зданию своего факультета.

В отличие от остальных, корпус факультета таксидермии выглядел непритязательно, даже непрезентабельно. Ну действительно: у некромантов — склеп из черного мрамора, возвышающейся вверх на пять этажей и уходящий под землю на неизвестно сколько, у «огневигов» — алая колонна, обитая огнеупорными шкурами дракона, даже у врачей — хрупкий (внешне) цветок, где на многочисленных огромных «листьях» в любовно обихаживаемых огородиках росли лечебные травы и проходили духовные и медитативные практикумы.

Факультет таксидермии выглядел серой каменной глыбой, которую не могли разломать даже тролли. Собственно говоря, именно они ее и строили, что немного примиряло с действительностью. Как и размеры. Ведь для оживления чучела дракона требовалось очень, очень много места, в десять раз больше, чем сам дракон. В брошюре для абитуриентов сообщалось, что студиям позволено делать чучела только самых мелких драконов — виверн, но даже этот факт внушал оптимизм. По крайней мере в сердце Али — точно.

Внутреннее убранство корпуса тоже в первый момент разочаровало. Все такое серое, массивное, давящее, несмотря на высокий потолок холла. Даже самого заваливающего ковра на полу нет, только круг света, внутри которого оказались первокурсники. Все остальное помещение осталось «погруженным во тьму», причем цвет тьмы варьировался от светло-серого (когда можно рассмотреть почти все) до глубокого черного, от которого оставалось неприятное чувство плотоядно разглядывающих новое «мясо» взглядов. И дверь захлопнулась слишком уж зловеще — с грохотом и скрипами. Половина группы нервно обернулось, сблестнув с лица, остальные также нервно заозирались. Всеми силами стараясь не выделяться, Аля вслед за остальными принялась осматриваться по сторонам, изображая испуг. Но тут же замерла, уже по-настоящему вытаращив глаза и округлив рот.

Со стены беззастенчиво рассматривал первокурсников олень. Точнее — голова оленя, прибитая к деревяшке. Не увлекающаяся охотой девушка не знала, как правильно называется конструкция, на которую насаживают головы убитых животных, но конкретно эту голову совершенно точно приделали по всем правилам охотничьего искусства. Однако вопреки им, олень не желал мирно висеть на стене, чмокал губами, как ржущая лошадь, скалил зубы, и судя по зубам, при жизни зверь отличался плотоядностью. Заметив ошарашенную студентку, олень оскалился особо цинично и фривольно подмигнул. Сначала левым глазом, затем правым. Глаза у гримасничающей головы оказались редкой красоты — фиолетового оттенка с золотистыми крапинками.

Аля зажмурилась и потрясла головой в надежде избавиться от странного видения, но олень никуда не делся. Зверь с интересом пронаблюдал за манипуляциями и оскалился в ответ, дружелюбно поклацав зубами. Клацанье не перекрыло гул голосов перешептывающихся первокурсников, но Аля готова была голову отдать на отсечение, что зубки у оленя, как и глазки, от василиска. И это непременно следовало проверить!

Девушка сделала шагок в сторону, благо стояла с краю толпы жмущихся друг к другу студентов. Потом еще один шагок. Потом...

А потом ничего не успела, так как в зале вспыхнул яркий свет, залил все помещение ярким солнечным светом и на миг всех ослепив.

Проморгавшиеся первокурсники дружно уставились на самый верх внезапно появившейся перед ними лестницы на второй этаж, где в ореоле славы (в солнечных лучах то есть) возвышался импозантный мужчина в алой мантии, протягивающий указующим жестом руку куда-то в сторону. Студенты послушно проследили за рукой, но ничего не обнаружили, кроме висящей на стене картины, столь древней и покрытой патиной веков, что изображение было категорически невозможно разобрать. Растерянно попялившись несколько секунд на картину, Аля вернулась вниманием к мужчине, как и все остальные.

При повторном взгляде помимо алой мантии на мужчине обнаружили: старинный черный костюм с белоснежной манишкой, светлые волосы ниже плеч, благородное выражение лица, вдохновенный взгляд и тонкие аристократические пальцы. А также полная неподвижность черт и позы.

Аля уже начала догадываться, кто или что это такое может быть, как у первой ступеньки лестницы появился еще один субъект. Чувствовалось, что свою роль он выполняет не один год, и даже если и не обладает чувством времени, как и Сильва, многолетняя практика его выручает, подсказывая, когда именно необходимо показаться из подлестничной тьмы (или где он там прятался?) на свет.

Субъект тоже оказался мужчиной. Пусть и не таким интересным, как указующий куда-то на верху лестницы (даже одинаковая одежда не спасала, лишь подчеркивала разницу), но зато — живым. Не слишком красивое породистое лицо смутно напоминало случайно ухваченного взглядом оленя. Скорее всего, общим с оленем выражением лица — надменно-брезгливым. У оленя преобладал брезгливость, у мужчины — надменность. Даже коротко стриженные русые волосы ее не скрашивали. А был бы брюнетом, надменность автоматически выросла бы раза в два.

Пока Аля занималась сравнительной анатомией лиц и морд, мужчина многозначительно кашлянул и раскрыл папку, что держал в руках.

— Господа студенты.

Услышав полузадушенный писк из толпы «И дамы!», мужчина иронически изогнул бровь и хмыкнул.

— Нет, милая дама, я не ошибся. Поступая к нам на факультет, вы должны забыть о том, что вы мужчина или женщина.

Новый смущенный писк «Я девушка!» вызвал сдавленные смешки и уменьшил градус умело нагнетаемого страха, что позволило многим выдохнуть и чуть расслабиться. Аля же вперила взгляд в пол, кусая губы в попытке не рассмеяться.

— Или девушка, — покладисто согласился субъект и добавил: — К юношам это тоже относится, однако я бы не желал сейчас услышать, кто из вас все еще юноша, а кто уже мужчина.

Теперь пристально изучала пол почти вся группа, а парочка самых смелых даже сдавленно захихикала.

— Итак, продолжим, — мужчина обвел взглядом студентов, призывая всех к порядку.

Как ни странно, ему это удалось: смешки почти мгновенно смолкли.

— Поступив на наш факультет, вы стали студентами, и ими и останетесь, пока не сдадите выпускные экзамены. Никаких преференций любого вида — гендерных, расовых, фамильных, денежных и прочих других, никто не получит. Практически единственная преференция, которой вы обладаете: учиться, учиться и еще раз учиться. Практически — потому что есть одно-единственное, что учитывается всеми всегда и везде.

Многозначительная пауза призывала первокурсников максимально сосредоточиться и внимать речи с особым тщанием. Студенты послушно внимали, задержав дыхание, чтобы лучше слышать.

— Когда начнутся практикумы, ваши преподаватели определяют врожденную склонность каждого из вас к группам и отрядам животного мира, и начиная с третьего курса основное внимание будет уделяться работе именно с этими животными. Первое занятие у вас будет групповое, вводные основы таксидермии, пройдет в зале собраний.

В этот раз указующий перст оказался направлен в нужную сторону, и вход в зал (куда палец и указывал) подсветился солнечной змейкой, шустро прошмыгнувшей по высоким дверям, снимая с них запирающую защиту.

— Там же получите все необходимые на первое время учебные пособия, расписание занятий, методические рекомендации и памятки.

Субъект захлопнул папку, сунул ее под мышку и грозно оглядел первокурсников.

— Вопросы? — и, спохватившись, добавил: — Ах да, чуть не забыл. Я — временно исполняющий обязанности декана Эдельвульфа Рута, заместитель декана Райли Берн. Прошу вас поприветствовать декана.

С этими словами мужчина повернулся к лестнице и, глядя на застывшего там блондина, захолопал. Последовавшие за этим со стороны первокурсников жиденькие аплодисменты выглядели смущенными и нервно-затравленными.

Резкий разворот замдекана к толпе студентов заставил всех замереть с разведенными (в той или иной степени) руками. Неизвестно как остальные, Аля чувствовала себя на редкость глупо, несмотря на то, что угадала, кем является лестничная «статуя».

— Так как наш уважаемый декан вот уже сто двадцать лет пребывает под действием заклятия и никак не может исполнять свои обязанности, на весь период вашего обучения у нас на факультете, я для вас — самое судьбоносное существо на свете. Так что рекомендую меня не расстраивать. Обращаться ко мне следует «заместитель декана Берн» или «господин Берн».

Глянув на выбитые над входными воротами солнечные часы, замдекана продолжил свою речь:

— Итак, господа студенты, до начала лекции осталось пять минут, прошу всех проследовать в аудиторию. В зал собраний. Если остались вопросы, ответу после лекции.

Упомянутый зал гостеприимно «проглотил» створки двери, втянув их в стены. Из свежееоткрытого помещения потянуло холодом и запахом каменной крошки (что доказывало, что залом пользуются крайне редко, возможно — раз в год, приветствуя первокурсников). Судя по нерешительности, с которой студенты толпились у входа, не у одной Али осталось впечатление раззявленной пасти огромного змея, заманивающей простодушных человечков

прямиком в змеиное брюхо.

Пришлось взять себя в руки и со скучающим лицом много чего повидавшей на свете барыши проследовать в зал.

Шушкаясь и оглядываясь по сторонам, студенты расселись по местам, тут же разбившись на группки. Самые смелые или дисциплинированные очутились на первом ряду, остальные постарались распределиться в силу страха перед замдекана факультета. Наиболее преданно смотрели студенты, заполнившие средние ряды — не такие уверенные, как «перваки», но и не посмевающие отправиться «в гору».

Аля скромно устроилась на самом верху и принялась изучать зал. Ничего особо интересного он из себя не представлял, так что за три минуты, оставшиеся до появления лектора, девушка убедилась, что зал вырубил из камня. Даже амфитеатром поднимающиеся (вернее, спускающиеся от входа) ряды. Так что, похоже, факультет стоял на огромной каменной плите, испещренной пещерами, одну из которых и «переоборудовали» в зал собраний. Додумать мысль Аля не успела — внизу, на круглой «арене», появился господин Берн собственной персоной. Он вновь вынырнул неизвестно откуда, перетянув на себя все внимание первокурсников, гадающих, как же так получилось.

— Итак, господа студенты, мы сейчас начнем первую в вашей жизни лекцию. По крайней мере, на нашем факультете, — начал бодрым голосом замдекана и, нацепив на нос круглые очки, положил на кафедру (деревянную, в отличие от всего остального) свою папку. — Однако перед этим я хочу с вами познакомиться. Заодно и вы узнаете имена друг друга. Начнем.

Раскрыв папку, мужчина вытащил радужно сверкнувший магическими печатями лист бумаги.

— Итвар Громкий. Прошу вас, встаньте.

Вслед приглашающему жесту с первого ряда поднялся щуплый паренек, рыжий и до того нескладный, что невольно складывалось впечатление, что свою фамилию он оправдывает, регулярно падая или ударяясь и сопровождая сие действие громкими звуками разной степени цензурности.

— Господин Громкий получил лучший балл на вступительных экзаменах.

«Господин Громкий» смутился и ссутулился в попытке избежать пристальных взглядов всей группы, частью любопытных, частью — оценивающих, а в некоторых даже плескалась враждебность. Тем временем замдекана продолжил.

— Так что списывать у него или просить сделать за вас задания не советую — я изучил манеру решения и ответов господина Громкого, и если вдруг у кого-либо из вас обнаружится такая же, то студентам с подозрительными контрольными и проверочными работами, а также эссе и докладами, грозит проверка знаний один на один со мной.

Аля невольно восхитилась подходом к учебному процессу, начала с интересом приглядываться к мужчине и слушать его уже не от скуки, а внимательно.

Тем временем замдекана глянул поверх очков на аудиторию, убедился, что все должным образом уstraшены и трепещут, и продолжил речь.

— Даже если господин Громкий попытается сменить стиль своих работ, я все равно замечу, потому что буду пристально следить за его учебой. Это же касается следующих четырех студентов. Студент Громкий, вы можете сесть.

Парень тут же плюхнулся на свое место, украдкой вытирая вспотевший лоб рукавом. Чувствовалось, что он пытается оценить перспективы пристального и, самое главное,

личного внимания господина Берна к своей учебе, и не может понять — плохо это или хорошо.

— А у остальных можно списывать? — нахальный вопрос раздался из плотной группки студентов, оккупировавшей несколько мест на четвертом ряду. Сидящие там молодые люди походили друг на друга, словно близнецы, однако природа (или родители) позаботилась о легкости различения: у каждого в смоляных волосах была одна прядь иного цвета. Аля сверху разглядела белую, желтую, розовую и фиолетовую. Пятый и шестой казались одинаковыми.

— Можно, — благосклонно кивнул замдекана. Но не успели ошарашенные студенты загудеть, обсуждая странное разрешение или желая высказать свое мнение, как господин Берн продолжил: — Но если сей факт обнаружится, то все абсолютно работы списывавшего или же выдававшего чужое за свое студента будут аннулированы. Если он успеет пересдать до сессии — его счастье. Не успеет — будет исключен.

Глубокая, задумчивая тишина опустилась на зал.

— А что будет тому, кто давал списывать или выполнял чужие работы? — пискнула уже отличившаяся на первой встрече «девушка».

— Ему перейдут все оценки проштрафившегося студента.

Тишина стала еще задумчивее. Аля вдруг подумала, что теперь-то точно никто не будет обращаться за подобной «услугой», ведь если даже прижать к стенке кого-нибудь и выбить у него домашку, то он просто может пожаловаться в деканат и получить все оценки обидчика!

Пока студенты мучились раздумьями, господин Берн вызвал следующую жертву, то есть номер два из списка лучше всех сдавших.

— Ладомир Мурый...

Представление шло своим чередом, и Аля старательно запоминала своих сокурсников и краткие и емкие характеристики, выдаваемые замдекана каждому из них.

— Аля Белая.

Девушка, не сразу сообразившая, что обращаются именно к ней, подскочила и нервно огладила платье.

— Белая?.. — с подозрением уточнил господин Берн, вперившись в нее тяжелым взглядом. — А вы не родственница...

— Нет, — тут же перебила его Аля, со всей возможной уверенностью, и попробовала пошутить. — И даже не однофамилица.

— Хм, — замдекана сделал пометку в своей папке. — Так и запишем: «Даже не однофамилица». Садитесь.

Под сдавленные смешки сокурсников Аля опустилась на свое место и перевела дух. Кажется, получилось.

— Галатей Неряда...

Весь остаток представления Аля просидела как на иголках, ожидая, что по окончании знакомства господин Берн вызовет ее к себе на дополнительный разговор. Но ничего подобного (хвала всем богам!) не произошло. Вместо этого замдекана спокойно отложил в сторону свою папку, оперся о кафедру и обвел аудиторию тяжелым взглядом, призывая к тишине.

— Итак, господа студенты, повторюсь. Мы начинаем первую лекцию в вашей студенческой жизни на нашем факультете. Тема лекции «Вводные основы таксидермии». Безусловно, каждый из вас должен знать, что из себя представляет этот раздел магии, хотя

бы в общих чертах. Студент Громкий, что такое таксидермия?

Вызванный для ответа «студент Громкий» несколько секунд недоумевающе хлопал глазами, не осознавая, что вопрос обращен именно к нему, пока не заработал тычок локтем в бок от соседки. Невольно охнув, парень подскочил, по пути «постаравшись» опрокинуть барьер, отделявший сиденья от амфитеатра. Каменный барьер успешно устоял, отразив атаку коленей, зато владелец коленей скривился, но не издал ни звука, подтверждая первое впечатление о себе — нескладный и вечно обо все стучающийся.

— Таксидермия, сиречь «оживление», есть наука магическая о том, как бывшее когда-то неразумным живым вновь заставить бегать и прыгать яко живое и бысть готовым выполнять повеления людские.

Выпалив все одним махом, Итвар сжался под скептическим взглядом замдекана. Полнейшая тишина, установившаяся после столь оригинального определения, начала потихоньку наполняться сдержанными смешками.

— Замечательно, — наконец откликнулся господин Берн. — Вы только что прослушали определение из книги «Бытие зверьев земных и птиц поднебесных, ако живых пребывающих после смерти» брата Корвуса, выпущенное, если мне не изменяет память четыреста двадцать лет назад. Полагаю, студент Громкий не старался впечатлить всех нас или проверить меня на знание истории таксидермии, а просто перепутал определения от волнения. Не так ли, студент Громкий?

Парень судорожно закивал, а Аля, вместе с другими старающаяся не смеяться и не задать в пространство ненужных вопросов об услышанном, с невольным уважением посмотрела на замдекана. Мало того, что опознал эту ересь, так еще и позволил студенту с честью выйти из смешной ситуации.

— Прекрасно, — благосклонно откликнулся господин Берн, продолжая буравить взглядом несчастного студента. — А теперь мы все услышим современное определение таксидермии. Прошу вас.

Итвар судорожно выдохнул, вытянулся, словно по линейке, и затараторил:

— Таксидермия — это раздел магии, который изучает способы возвращения к жизни неразумных существ, а также: возможности управления ими, создания частично-разумных и магических существ на основе изделий таксидермистов.

— Ответ принят, садитесь, студент Громкий.

Парень шумно выдохнул и обессиленно свалился на свое место. Аля мельком подивилась, как же он собирается учиться дальше, если после каждого вопроса чуть ли не в обморок падает, но задуматься над этим не получилась — лекция продолжалась, и чем дальше, тем становилось интереснее.

— Но, как вы впоследствии узнаете, это определение неполное. С каждой новой ступенью обучения, вы будете получить новый пласт знаний, что позволят вам дополнить начальный костяк определения своими дополнениями. Сразу предупреждаю — на третьем курсе одно из выпускных заданий состоит как раз в вашем личном определении таксидермии и эссе с его обоснованием.

Немного шокированные первокурсники молчали, а господин Берн тем временем продолжил:

— Как вы могли заметить, одна из ключевых фраз услышанного вами определения: «создание частично-разумных существ». Почему нельзя создать полностью разумных? Студент Неряда, ответьте нам.

Поднявшаяся со второго ряда девушка с длинными и пышными волосами (позавидовать можно) выглядела то ли томной, то ли сонной, и растягивала слова так, что невольно хотелось зевнуть. Видимо, не только Аля знала, что это родовая особенность семьи Нерееда, т. к. замдекана не подгонял студентку, а терпеливо слушал ее манерную речь.

— Создание разумных пост-смертных существ возможно только на базисе изначально разумных. То есть полностью разумное существо можно создать...

Девушка томно вздохнула и перебросила волосы на грудь. Половина студентов мужского пола замерло и проследило за столь нехитрым жестом остекленевшим взглядом.

— ...создать лишь из людей.

— Ответ засчитан, — кивнул господин Берн. — Садитесь, студент Нерееда.

Девушка грациозно опустила на свое место, а по рядам пронесся тяжелый вздох, вернувший живой и осмысленный блеск юношеским взглядам.

Аля скептически оглядела нижние ряды. Интересно, а как эти-то собираются учиться, если сразу подпадают под остаточную ментальную магию? И как эта... Галатея? Или как ее? Короче говоря, как Нерееда собирается учиться? Изолировать ее будут, что ли? Вопросы множилось, и не только к лекции.

— Однако, как вы потом убедитесь, и это классическое определение не полно и частично неверное.

И когда все студенты заинтересованно задержали дыхание, ожидая открытия тайны, господин Берн самым жестоким образом обманул их ожидания.

— Однако продолжим. Как вы все знаете, с мертвыми телами разумных работают некроманты, а не таксидермисты. Почему? Студент...

Аля скрестила пальцы в нехитром отгоняющем жесте, всеми силами желая избежать вызова.

— ...Нурф.

С места подскочила отчаянно розовеющая студентка, и как только она произнесла первые слова, причина ее смущения стала очевидна всем. Потому что все студенты знали, что она все еще «девушка».

— Некроманты работают с душами умерших, либо возвращая их в тела, либо привязывая к телам, либо привязывая к предметам, что позволяет душам оставаться в нашем мире и... и быть разумными!

От последней части ответа веяло импровизацией, попыткой «расширить» стандартное определение и привязать его к уже заданным ранее вопросам и данным ответам.

Господин Берн вопросительно приподнял брови, и девушка постаралась затараторить быстрее, опасаясь своей импровизацией еще больше испортить о себе впечатление.

— Так как у зверей нет души, лишь природная сущность, возвращающаяся после их смерти к Источнику, то таксидермисты во время работы черпают соответствующую зверю сущность из Источника, таким образом оживляя их к пост-смертию.

— Ну допустим, — со скепсисом отозвался замдекана. — Ответ принимаю, садитесь, студент Берн. Что нам дает соединение некромантии и таксидермии. Студент...

Аля напряглась еще больше.

— ...Белая, отвечайте.

Обреченно поднявшись с места, Аля выдохнула и ответила строго по учебнику для поступающих.

— В результате соединения таксидермии и некромантии возможно создание частично-

разумных существ, а также химер, являющихся объединением нескольких животных в одном, и химероидов. Химероиды, в отличие от химер, представляют собой исходное животное, в котором произведено частичное замещение частей тела от других животных, с сохранением полной функциональности исходного животного.

Господин Берн побуравил взглядом девушку и спросил:

— Кого легче делать: химер или химероидов?

Аля постаралась подумать, поняла, что ничего не получается, потому как весь объем мозга занимал только вопрос, заподозрил ли что-нибудь замдекана или нет, и осторожно ответила:

— Химер?

— А это вы узнаете на практике. Каждый из вас, — мужчина осмотрел всю аудиторию. — Потому что и химер, и химероидов может сделать любой таксидермист, даже не обладающий даром некромантии. Необходимо два условия: правильно создать образец и слаженная работа с некромантом. Кому-то будет легче сделать химеру, кому-то химероида. Ваш ответ принят, садитесь, студент Белая.

Аля упала на скамью. Кажется, ее просто так вызвали, без всякой задней мысли или подоплеки. Наверное. Пока девушка мучилась вопросом, неугомонная студент Нурф пискнула с места:

— А зачем тогда некроманты? Если они работают только с мертвыми разумными.

— Замечательный вопрос, — замдекана Берн оперся о кафедру, приготовившись долго говорить. — Когда вы будете извлекать сущность животного из Источника, вы сможете достать только чистую, можно сказать, ничем не замутненную суть. Кошка будет кошкой. Собака — собакой. Лошадь — лошастью. Вы не сможете заставить кошку быть собакой. Несоответствие тела и сути не позволит вашему изделию обрести пост-смертие. Только частично-разумное существо способно воспринять, что оно — не просто конь, но — пегас. Не просто василиск, но — дракон. И так далее.

В зале стояла полнейшая тишина. Если бы вдруг появилась муха, она бы точно сбежала, испуганная звуком своих крыльев.

— С магическими свойствами тоже самое. В Источнике нет магии. Он девственно чист от любых колебаний и возмущений, даже магических. Так что чтобы сделать магическое изделие, вам также придется наделить его разумом. В этом случае можно даже сказать — псевдоразумом, лишь для того, чтобы у него появилась возможности чувствовать магические потоки. Так что, господа студенты, для создания чего-нибудь получше неутомимых лошадей, которых вы можете сейчас увидеть в каждой второй повозке, вам необходимо либо быть некромантом, либо работать с ними. Очень рекомендую подружиться со студентами с факультета некромантии — дружеские чувства гарантируют слаженную совместную работу.

Господин Берн снял очки и аккуратно протер их платком.

— Почему-то так исторически складывается, что девушкам получается гораздо лучше подружиться с некромантами.

Нацепив очки обратно, замдекана произнес с изрядным скепсисом, вызвав смешки со стороны студентов:

— Удивительно, не правда ли? Надеюсь, ваш курс пойдет против этой традиции и найти общий язык с некромантами получится у всех.

— А если не получится? — глубокий, чувственный голос Неряды приковал к ней всеобщее внимание.

— Тогда придется на совместных практиках работать абы с кем. Возможно — даже с неприятными вам людьми. Вам такая практика нужна?

— Думаю, что следует научиться работать со всеми, даже с неприятными, — завлекательно улыбнулась Неряда, теребя кончики своих волос. — Вдруг с тем, кто мне будет приятен, что-нибудь случится?

Аля с любопытством покосилась на замдекана — поддастся очарованию или нет? Однако тот выглядел кремнием, о который пытается биться рыбка. Скорее рыбка расшибется, чем с кремнием что-то случится.

— Вы правы, студент Неряда. Научиться работать нужно со всеми. Однако учиться, — господин Берн особо выделил последнее слово, — лучше с тем, кто приятен. Учебный процесс пройдет быстрее и знания будут усваиваться легче. Еще вопросы?

— Нет, господин заместитель декана, — чуть качнула головой Неряда, продолжая улыбаться. — Возможно — позже. Я к вам с ними обращусь.

Аля от удивления захлопала глазами: неужели эта Галатеея так откровенно пытается соблазнить господина Берна? Или только кажется? Или — не кажется? Но зачем?!

— Обращайтесь, — тем временем разрешил мужчина и обратился к остальной аудитории: — У кого-нибудь есть вопросы по уже услышанному или продолжим лекцию?..

Окончательно прийти в себя и осознаться, что все удалось, Але удалось только в общежитии. В своей комнате в общежитии!

— Йеее! — бросив на кровать выданные в конце лекции учебные пособия, девушка, раскинув руки, счастливо закружилась по комнате.

Ей все удалось! Удалось!

Ну... Почти все. Теперь можно приняться за главное.

За то, что на самом деле привело ее на факультет таксидермии.

— Так, а это как решается? — напряженно глядя в тетрадь и грызя кончик ручки, спросила Сильва. — Это же совсем не то, что было на прошлой странице!

Аля со вздохом отложила книгу и подошла к соседке.

— Ну почему «не то»? — удивилась девушка, глянув на формулу. — Смотри, если переставить местами вот эти параметры, то получится ровно та же формула.

Для наглядности Аля тыкала пальцем в нужные места. Рыжая мрачно сопела и делала пометки на черновике — так ей лучше запоминалось.

— А если теперь сократить...

— Да кому нужна эта теор. магия! — не выдержала Сильва, выдав экспрессивную тираду таким тоскливым голосом, что воющий на луну волк обзавидовался бы и посрамлено скрылся в лесу, и устала в окно.

За окном всюду буйствовал красноцвет, раскрасивший листву и траву во все оттенки багрянца, от чего раскинувшийся на полнеба закат казался предвестником Последнего Дня и навевал мысли о героях и подвигах прошлого. По крайней мере Сильве, именно в такие вечера начинавшей вдохновенно вещать о титанах, которым нынешние преподаватели не чета. Может быть, кто-либо из командиров приграничных и пограничных отрядов и сможет с ними соперничать, но это покажет только история. Ну или сама Сильва, когда окончит университет, оценит, выберет лучшего и пойдет служить под его начало.

Над последними заявлениями, звучащими хоть и гордо, но слишком уж нереализуемо, Аля втихую посмеивалась, а вот рассказы о войнах слушала с интересом. Соседка оказалась

прекрасным рассказчиком с хорошей памятью и обширной семейной библиотекой, которую малышка оккупировала как только научилась читать. Сначала изучила сказки (про воинов, угу), а вслед взялась и за историческую литературу.

Благодаря энциклопедическим познаниям Сильвы в этой области, история не представляла для девушки никаких проблем. А вот с точными науками у рыжей была просто беда. Она и в университет-то поступила только благодаря везению, вытащив билет, ответ на который знала, и сдав теорию на слабую троечку. А вот по практическим предметам у нее выходила крепкая пятерка с плюсом, даже не одним, и Сильву приняли под поручительство декана боевиков. А тот выставил студентке условие: все отстающие дисциплины будут подтянуты до необходимого для первогодок минимума.

— Тебе нужна, — сурово нахмурилась Аля, чувствуя себя старшей сестрой нерадивой младшей сестры. — Пусть твой отец и дедушка колдовали по наитию, передавая из поколения в поколение отработанные приемы и новые, придуманные ими. Но магия не стоит на месте, и за последние пятьдесят лет произошел прорыв за счет создания стройной теоретической базы для каждой стихии. Теперь эффект заклинаний можно просчитать, как и результат, и...

— Бла-бла-бла... — скорчив смешную мордочку, перебила подругу Сильва. — Ты прям как наш декан — он такими же словами вечно вещает, когда пытается добиться от нас этого... как его... — рыжая нахмурила лоб, вслед просияла и выдала торжественным тоном: — Ответственного подхода к силе и таланту, полученного нами от природы и благословения элементарей, пренебрежения коими не проходит бесследно!

Абсолютную правильность сказанного подтвердило гнусавое протяжное «Мааауууу!»), раздавшееся из клетки.

— Ах ты, моя пусечка! — тут же умилилась Сильва и полезла голыми руками сквозь заговоренные прутья клетки, почесать спинку «пусечке».

Аля уже не вздрагивала, как в первый день, когда соседка впервые продемонстрировала подобное. Но тогда заорала в ужасе «Что ты делаешь!»), не зная, что еще можно предпринять и как остановить безумицу. И действительно — трогать элементаря огня, пусть даже он и прикидывается безобидной птичкой, похожей на павлина — это прямой путь к тому, чтобы остаться без руки. Однако оказалось, что Пуся сам избрал Сильву своей «хозяйкой», когда той и трех лет не исполнилось. Аля так и представляла, что почувствовали родители мелкой девчушки, притащившей с прогулки настоящего элементаря и заявившей, что Пуся пришел поиграть и решил остаться. Как минимум, предынфарктное состояние матери обеспечилось. А элементарь обзавелся «чудесным» именем Пуся, сменить которое никак нельзя — как назвали впервые увидев, такое имя и останется. Но это намного лучше, чем, к примеру, «Где я» или «Что за хрень».

Правда к «райскому» голосу Пуся, дававшему фору как минимум парочке, а то и целой стае настоящих павлинов, Аля так и не смогла привыкнуть. Пока. Сильва обещала, что через пару лет все наладится, от чего Але становилось немного печально. Хорошо хоть Пуся изъяснялся голосом не так часто и ночью предпочитал, подражая своей хозяйке, «спать».

Аля вздохнула, под села к подруге на стул, слегка спихнув ее в сторону, и подперла рукой подбородок.

— Ну, у вас он хоть говорит.

— Ага, — мечтательно отозвалась Сильва, отзеркалив жест соседки и вслед за ней уставившись на законный багрец, и вздохнула: — Зато он у вас так такой...

— Какой? — Аля с интересом покосилась на рыжую.

— Ну... Такой, — немного смутилась та, продолжая пристально рассматривать закат и делая вид, что румянец на щеках — лишь отражение алых лучей. — Герой войны, красавец и вообще...

Аля несерьезно хмыкнула, ожидая ответного хихиканья со стороны подруги:

— Ты что, влюбилась, что ли?

— Нет, — насупилась Сильва. Демонстративно отвернувшись, рыжая принялась почесывать спинку Пусе, не зная, куда себя деть от смущения. Элементаль потянулся гуттаперчевой кошкой, зажмурился от удовольствия, и раскрыл крохотные крылышки. С них тут же вспорхнула стайка искр и почти сразу погасла, столкнувшись с прутьями клетки. — Но я так хочу с ним познакомиться! Ты не представляешь, какие про него легенды рассказывают! Он же первый сделал разумных драконов и тритонов, и благодаря им мы и выстояли в Третьей Сегрегации. Я как прочитала про него в детстве, так и хочу с ним познакомиться.

Аля вновь хмыкнула, но на этот раз задумчиво и прикидывая варианты.

— Но ты же знаешь, что он под заклятием и познакомиться не получится?

Сильва горестно вздохнула, а Пуся замурлыкал еще громче, утешая свою хозяйку. Мурлыканье у него выходило мелодичное, кошачье, за что можно было простить и «павлиньи» вопли.

— А хочешь... — затаив дыхание, начала говорить Аля. Была бы возможность, и пальцы бы скрестила — на удачу. — Хочешь, я тебя проведу к нам на факультет, когда там никого не будет?

Рыжая мгновенно обернулась, чуть не спихнув подругу на пол. В последний момент удалось словить за руку и утвердить на стуле.

— Да! Ты еще спрашиваешь!

Радостный вопль Сильвы поддержал элементаль, гаркнувший до звона в ушах. Але на мгновение показалось, что она оглохла. Пришлось по старинке потрясти головой для восстановления слуха. Как и многие дедовские методы экстренного лечения — сработало.

— Хорошо, договорились.

Девушки торжественно пожали друг другу руки.

— Только мне нужно подготовиться.

Улыбающаяся во весь рот счастливая Сильва кивнула:

— Сколько угодно!

— Маауууу! — поддержал хозяйку Пуся, распушившийся во все стороны только что оперившимся шарообразным птенцом, постреливающим во все стороны огненными искорками.

Почти не вздрогнувшая Аля покосилась на элементалья. Ну когда же она привыкнет к его воплям?!

— М... Здравствуй, Рудольфус, — Аля лучезарно, во все зубы, улыбнулась оленю, «охраняющему» холл факультета. Тому самому, кто в первый день дразнил ее, чуть не доведя до «греха» — до побега от группы первокурсников прямо перед приветственной речью декана. То есть, замдекана, конечно же.

Знаменательное знакомство с оленем таки произошло, но уже на второй учебный день. Девушка специально задержалась после занятий, и когда холл опустел, потихоньку

проскользнула к висящей на стене голове. Пристально пялиться на тусклые «кукольные» глаза прибитого к дощечке трофея пришлось долго, все больше впадая в уныние от мысли, что корчащий морды олень оказался. То ли на радостях, то ли под воздействием магии, создававшей должную торжественность окружения и правильное трепетание у студентов перед будущей учебой.

Неизвестно, сколько бы продолжалось «противостояние», но олень не выдержал первым — моргнул третьим веком, характерным для всех земноводных (в том числе василисков). Под белесой пленкой третьего века глазки у него оказались именно такие, как запомнилось Але — фиолетовые в золотистую крапинку. Дав девушке полюбоваться собой, олень недружелюбно осведомился:

— Чего тебе?

Ошарашенная разговорчивостью висящей на стене головы (Аля никак не ожидала настоящего общения), девушка на миг даже задумалась — действительно, чего ей? Но решила пойти ва-банк — рассказать правду, и призналась смущенно:

— Вот, познакомиться пришла. Я еще никогда таких э... Таких вас не видела.

— Каких — таких? — сварливо поинтересовался олень, буравя девушку недоверчивым взглядом.

Мельком подумав, что вчера эта креатура была явно добрее, Аля попыталась выглядеть пай-девочкой. Даже прижала к груди тетради, распахнула пошире глаза и восхищенно выдохнула:

— Разумных.

«И говорящих», — произносить подобное вслух было бы слишком невежливо, так что эпитет остался в мыслях.

Но олень, в раздумье попрядав ушами, не проникся добрыми чувствами — подозрение во взгляде так и не исчезло, разве что добавился скептицизм.

— Увидела? Дальше что?

Аля растерянно уставилась на оленя. Ей как-то по-иному представлялась эта встреча. Казалось, что неподвижно висящая голова должна испытывать скуку и жаждать общения. Не зря же морды корчила студентам! Но в реальность щелкнула девушку по носу.

— М... — Аля поудобнее перехватила тетради и поправила ремень сумки — учебные пособия оказались сходны по размеру и массе с кирпичами и изрядно давили на плечо. Подумала немного и осведомилась с участливым интересом: — У вас сегодня плохой день, да?

— С чего ты взяла? — олень брезгливо оттопырил нижнюю губу, показав заодно зубы.

С трудом подавив желание пощупать желтоватые острые треугольнички (а вдруг на них остался яд? Да и невежливо как-то...), Аля как можно невиннее и сохраняя участливость вздохнула:

— Ну, у меня противное настроение только когда плохой день. Мне тогда хочется на всех бросаться или вести себя плохо.

— Тебе? — заржал олень. — Да ты себя видела, одуванчик?

Аля глянула на подол голубого платица и белые босоножки, и тут же спохватившись, состроила грозное лицо: свела брови и сжала губы.

— Я не одуванчик, я очень суровая!

Но олень продолжал заливаться, трести рогами и скалить зубы — в общем, вел себя не слишком воспитанно и прилично. Зато буквой пялиться перестал.

Вот так, слово за слово, смешок за смешком, он не просто разговорился с Алей, но и рассказал историю своего появления на свет.

Рудольфус оказался первым, экспериментальным образцом и одновременно выпускной работой тогда еще студийца Эдельвульфа Рута, чем очень гордился. Будучи не только таксидермистом, но и сильным некромантом, Эдельвульф исследовал возможность создания магических существ путем объединения тел нескольких животных. Таким образом олень обзавелся глазами и зубами василиска и некоторыми его особенностями жизнедеятельности. Рут не являлся первопроходцем в данной области, но ему первому удалось наделить подобных химер не только магией, но и настоящим разумом. Правда, по примеру своего создателя все творения обладали не самым лучшим характером, некоторые — откровенно мерзким, и после того, как Эдельвульф попал под действие заклятия, самые разумные творения разругались со всеми окружающими и ушли. Кто куда. Кто-то отправился на границу, кто-то — в горы, кто-то — в леса. Разбрелись согласно своим интересам. Парочка драконов вообще пожелала свить гнездо на островах, только их и видели. Зато морские подходы к Придонью, самому большому торговому городу побережья, оказались отлично защищены от пиратов.

Самому Рудольфусу не очень повезло. Как и большинство василисков, он начал со временем каменеть. Все началось с хвоста и постепенно стало распространяться по телу. Консилиум таксидермистов и некромантов пришел к выводу, что они ничего не смогут поделаться с этой напастью. Единственный вариант — максимально «уменьшить» объем тела, тогда остатки заложенной изначально магической энергии позволят оленю продержаться в псевдо-живом виде еще лет триста — при должной подпитке.

Вот так Рудольфус оказался в виде охотничьего трофея — дожидаться, когда его обожаемого Эдельвульфа Рута расколдуют или заклятье само спадет, и заодно присматривать за творящимся в зале, отслеживать решившихся проникнуть на факультет злоумышленников и мышей. Мышам — им ведь все равно, что жрать, могут и за декана приняться. А многовековой повышенный магический фон приводит к появлению таких мутантов в подземных лабиринтах, что даже самому сумасшедшему творцу химер не приснится. Аля даже поежилась — олень умел нагнетать атмосферу своими рассказами, а на фантазию девушка не жаловалась. Заодно стала понятна причина магических печатей на дверях зала собраний — вдруг что внезапно вылезет побольше мышей!

Долгое существование в виде отрубленной головы характера Рудольфуса не улучшило, к тому же он старался не привлекать к себе внимание студийцев — мало ли что от раздолбаев ожидать можно, еще стащат на эксперименты.

Так что Аля оставалась единственным его другом среди первокурсников. Она надеялась, что другом, и полагала, что единственным. Чтобы Рудольфус точно никому не проболтался о задуманной девушке авантюре.

Подозрительно оглядев елеинно-смирно стоящую перед ним Алю, олень сварливо поинтересовался:

— Что задумала?

И пока та недоуменно хлопала глазами, заржал:

— Одуванчик, у тебя же все на лице написано! Давай, рассказывай, а я послушаю.

Складывалось ощущение, что Рудольфус поудобнее устраивается на кресле с чашечкой чая, готовый слушать вдохновенную ложь, сочиненную студийцем для оправдания очередного промаха. Оправдывая ожидания, Аля покаянно вздохнула — определено, декан

Рут очень много вложил от себя в своего «первенца», так что следовало подыграть, так быстрее все получится.

— Ну... — девушка смущенно замялась и продолжил с надеждой: — Понимаешь, моя подруга, она с детства влюблена в декана Рута, и очень хочет на него посмотреть. И я подумала — а вдруг будет именно тот «поцелуй истинной любви», о котором говорится в записках Сам-знаешь-кого?

Таким странным именем величали мага, продавшегося ради силы Той Стороне, и успевшего убить немало славных воинов и ни в чем не повинных людей, прежде чем Эдельвульф Рут его остановил, получив взамен заклинание, погрузившее в стазис. Все записи Того-самого оказались либо уничтожены, либо зашифрованы. Расшифровать удалось только рабочие тетради, в которых были и начальные наброски посмертно сработавшего заклятия. Фраза «поцелуй истинной любви и богатство рода» вдохновили очень многих испробовать свои силы в расколдовывании героя, но, увы, все попытки ни к чему не привели. Со временем река «паломниц» обмелела до ручейка, а после и вовсе сошла на нет. Но некоторые продолжали не терять надежды на «взаимость» поцелуя, либо просто жаждали разгадать загадку. Как Аля.

— Пустишь нас ночью?

Вопрос был не праздный. На ночь факультет запирался крайне тщательно, в том числе магически, и открыть могли лишь преподаватели — вызвав ту самую «солнечную» змейку, что отпирала зал собраний. Как Аля случайно выяснила, Рудольфус нашел со змейкой общий язык и мог договориться об открытии входных ворот.

— А почему она днем не придет? — с подозрением уточнил олень, мгновенно попавшийся на крючок. Однако бдиль продолжил — стоит один раз дать слабину, и проблем не оберешься.

— Стесняется, — простодушно пояснила Аля. — Сам представь — как она, скромная, воспитанная девица, будет при всех чувства выражать?

Назвать Сильву «скромной» мог только ни разу не видевший рыжую, но что только не сделаешь ради подруги и во исполнения мечты!

Покочевряжившись для виду, Рудольф согласился.

— Ну ладно, так и быть. Приходите сегодня к одиннадцати вечера, открою.

— Ты самый лучший! — с чувством выпалила Аля (была бы возможность — еще и обняла бы), и помчалась в общежитие — радовать подругу.

— Тишше! — прошипела Аля на рыжую, вторично споткнувшуюся на лестнице.

Как можно так умудриться, грея в руках «светлячок», да еще будучи боевиком с отменной координацией — уму непостижимо! Видимо, Сильва действительно грезила ночами об Эдельвульфе, и при приближении к почти-живому кумиру растеряла все, включая ловкость и решительность.

В ответ яростный шепот раздалось полное покаяние сопение, подкальзывания прекратились и до верха лестницы девушки добрались без приключений.

— Вот! — торжественно прошептала Аля, указывая рукой на «статую». — Эдельвульф Рут собственной персоной.

Сильва благоговейно замерла, пока подруга поднесла свой «светлячок» поближе к декану, показывая его во всей красе. Правда, лицо мужчины в почти полной темноте, да еще подсвеченное снизу световым шариком выглядело весьма своеобразно и походило на скорее

на устрашающую черно-белую маску, чем на благородно-правильное, но рыжая восхищенно выдохнула:

— Как на картинке! Такой же красивый!

Наблюдающая за реакцией подруги Аля с сомнением покосилась на «статую». Если действительно прямо как на картинке, да еще и красивый, то к художнику, определенно, возникали вопросы. И первый из них — почему он не умеет рисовать. Или не умеет рисовать в реалистичной манере.

Но, как говорится, дело вкуса.

Пока Аля предавалась философским размышлениям, Сильва продолжала благоговейно вздыхать и даже осмелилась потрогать «статую» за рукав. Осторожно, одним пальчиком. При этом у рыжей было такое вдохновенно-восторженное выражение лица, то Аля заподозрила в ней не просто влюбленность, а нечто большее.

Наконец, потоптавшись еще на месте, навздохавшись и посмеившись прикоснуться к мечте еще раз, Сильва понурилась:

— Пойдем, что ли.

— Как — пойдем? — Аля зашипела на подругу почище разгневанной змеи. — А целовать кто будет?

— Кого? — обалдела рыжая.

— Декана Эдельвульфа Рута! — таким же разгневанным шипением пояснила Аля и на всякий случай схватила Сильву за рукав — не дай боги сейчас от ужаса рванет подальше (была бы душевно и физически послабее — могла бы и в обморок грохнуться). Еще неизвестно, пустит ли их Рудольфус во второй раз!

— Не-не! Я не могу! — принялась вяло (чтобы не нарушать конспирацию) отбиваться в ужасе рыжая. — Это же... Это же Он!..

— Вот и целуй! — Аля ненавязчиво подпихнула бедром подругу к «статую».

— Я не могуууу! — тоненьким голоском взвыла та, очутившись нос к носу к вождьленному герою, мечте не только детских грез.

— Тогда я сама поцелую! — пригрозила Аля рыжей.

— Не поцелуешь! Не сможешь!

— Да легко! — Аля вновь подпихнула подругу и, не примериваясь, на секунду прижалась губами к лицу декана. И даже если бы «целилась», не смогла бы попасть удачнее. Губы у мужчины оказались сухие и теплые, словно шагреневая кожа. Рядом тихонько взвыла от избытка непонятных чувств Сильва. Отпрянув от «статуи», Аля невольно облизнулась и подтянула рыжую к себе за рукав. — Вот видишь, ничего страшного. Целуй давай.

Зажмурившись, Сильва отважно повторила подвиг подруги.

— Э! В губы целуй! — продолжая шептать, скомандовала Аля и дернула рыжую за талию, корректируя поцелуй. — И обними его, что ли.

Ошарашенная Сильва безропотно выполнила указания, сминая кружевной воротник дрожащими пальцами, точно хотела притянуть свою мечту к себе поближе.

Аля задержала дыхание и... Прошла минута — и ничего не произошло. Печально вздохнув, девушка пробормотала:

— Облом...

— А? — плохо соображающая Сильва с трудом повернула голову, пока не в силах оторваться от «статуи».

— Ничего-ничего, — махнула рукой Аля и аккуратно отцепила пальцы рыжей от

кружевного воротника. Аккуратно расправив кружева, на сколько смогла, сжала ладонь подруги: — Пойдем.

Та всхлипнула и кинула головой, позволяя себя увести и периодически порываясь оглянуться назад.

— Ничего-ничего, — успокаивающе бормотала Аля, таща за собой на буксире Сильву и провожаемая печальным взглядом Рудольфуса. — Мы что-нибудь придумаем. Поцелуй истинной любви не сработал, значит, нужно искать «богатство рода».

Когда за девушками захлопнулась дверь и по ней пробежала солнечная змейка, возвращая на место все печати, от одной из колонн в дальнем конце холла отделилась тень. Тень медленно и неспешно, по-хозяйски поднялась по лестнице и остановилась возле «статуи». Небольшой световой шарик затрепетал над плечом зачарованного декана, а Райли Берн, пронаблюдавший из-за колонны всю процедуру нелегального целования своего начальника, навел окончательный порядок в одежде господина Рута, вытащил из кармана платок и аккуратно промокнул его лицо, стирая все следы «преступления». И, не удержавшись, принялся. Полынь, зеленая трава, нагретая солнцем, колокольчики и мед. Девушки оставили интересное сочетание запахов, так что легко будет определить, кто именно тут был. Или можно поступить проще.

Заместитель декана Берн спустился по лестнице и, перекатившись с пятки на носок, выжидающе посмотрел на притворяющегося спящим Рудольфуса.

— Осторожно! Смотри, куда лезешь!

— А сама-то! На себя посмотри!

Сдавненное девичье переругивание почти не нарушало благостное спокойствие погоста, разливающееся запахом мирры окрест него. Именно что окрест — общее ощущение от погоста настраивало на особый лад и заставляло вспомнить почти вышедшие из употребления слова, расслабиться и... пройти мимо, мурлыча под нос какой-нибудь псалом или медитативную песенку. Следовало признать, действовало отменно не только на людей, но и на все живое, так что даже ограды не требовалось. Сдавленная же ругань объяснялась очень просто — зарослями крапивы и репейника, в которые девушки умудрились забраться в темноте.

Когда мрачно сопящие «исследовательницы» выбрались на ровное место, яростно расчесывающая ногу Аля оказалась вынуждена признать — идея заявиться на кладбище в платье оказалась не слишком разумной. Хорошо хоть сапоги догадалась надеть!

В отличие от подруги, Сильва экипировалась намного лучше, в свой «боевой» костюм, полностью закрывающий тело. Но ей приходилось тащить клетку с Пусей — оставить элементаря одного на неизвестно сколько часов девушка отказалась категорически, мотивируя тем, что Пуся может заскучать. А если он заскучает и начнет орать посреди ночи, проверки комнаты не избежать, и им точно влетит за отсутствие.

Подумав, Аля согласилась с аргументами, и еще раз печально посчитала финансы. С деньгами у девушек было негусто, а из-за Пуси стоимость задуманной экспедиции дорожала почти на треть — телепортационный кристалл волновало количество объектов, а не их общая масса. Элементарь в клетке равнялся плюс одному объекту. Вот если его прижать к себе, то можно было сойти за единое целое. Но прижимать к себе элементаря огня — поищите таких дураков. Даже Сильва, тискающая своего фамилиара по поводу и без, не решилась бы на такое. К сожалению, без телепортации за одну ночь они точно не управятся.

— Теперь куда? — Сильва лучше перехватила клетку, замотанную в этот раз для конспирации в темную ткань, и огляделась.

Под светом полной луны погост, куда их притащила Аля, выглядел одновременно мирным и запущенным. Редкие могилки казались невысокими холмиками, поросшими травой, и визуально определялись только благодаря «столбикам» с личными гербами усопших — никаких тропинок, оградок, ничего подобного, что ожидаешь увидеть на кладбище. Даже пара склепов, прячущихся в тени раскидистых деревьев, смотрелись заброшенными домами, а не местом упокоения усопших.

— Ты уверена, что мы правильно попали? — обеспокоилась рыжая, которую расстилающаяся вокруг пастораль только настораживала. Как их предупреждали на тренировках, именно таких мест следует остерегаться больше всего. Только поверишь, что все чисто и можно расслабиться, как — бац! — и из-за какого-нибудь куста виверна выскочит! Или горгулья.

— Уверена, — пропыхтела Аля, продолжая яростно чесать многострадальные ноги, и кивнула на одну из могил. — Вон там могила ба... — хватанув воздух ртом, гладко вырулила, понадеявшись, что увлеченная пейзажем Сильва не заметит оговорки или решит, подруга просто выругалась. — ...бабочка ядреная!

Пару раз показательно вздохнув для имитации «избытка чувств», закончила фразу:

— Эдельвейс Рут, первой жены декана.

— Почему первой? — насупившаяся рыжая повернулась к подруге. — Он же один раз был женат всего. Или я чего-то не знаю?

— Ну как же, — наивно захлопала глазами Аля. — Ты же за него замуж собираешься, значит, ты будешь вторая, а там, — и она вновь кивнула на могилу, — лежит первая.

— Да не собираюсь я за него замуж! — мгновенно вспылила Сильва. — Больно надо!

Пуся подтверждающе крякнул: не надо нам, мол, никаких деканов! Без них обойдемся.

— Ну, это мы еще посмотрим, — настолько многозначительно, даже слегка устрашающе пообещала Аля, что подруга поежилась. Правда от следующих, жалобно протянутых слов тут же захихикала. — Сииль... Я лопату в крапиве потеряла... Не поищешь?

— Вечно у тебя все не как у людей, — продолжая хихикать, рыжая вручила Але клетку. — Поищу, конечно, куда же денусь. Только...

Передернув плечами, Сильва оглянулась на могилы.

— А там точно никого нет? Никто не встанет? А то у меня ощущение, что на меня все время кто-то смотрит.

— Точно-точно, — закивала Аля. — Поищи, а то мы без лопаты ничего сделать не сможем. Ну не будешь же ты взрывать могилу? — и сурово поигрывая бровями добавила, вызвав очередной приступ сдавленного смеха: — Нас после этого со свету сживут.

— Ага, прямо тут, в крапиве, и прикопают, — хихикая, согласилась Сильва, пропадая в помянутой крапиве.

— Ага, — вздохнула Аля, мысленно добавив, что это совсем не шутка, только вот подруге об этом знать совершенно необязательно. И быстренько побежала к нужной могиле.

Пристроив клетку «в ногах» могилки, девушка достала из сумки бумажный пакетик, нежно, словно он мог обжечь пострашнее элементаря, развернула, и принялась аккуратно и осторожно рассыпать по заросшему травой холмику серый порошок, шепча заклинание. Коснувшись земли, серые крупинки превращались в серебряные и, таинственно замерцав,

пропадали — точно корова языком слизала. Или кто-то изнутри могилы засосал.

К возвращению Сильвы, триумфально потрясающей лопатой, Аля успела убрать все оставшиеся следы своих странных манипуляций. Всего-то нужно было аккуратно свернуть бумажку, спрятать обратно в сумку и с невинным видом дожидаться подругу.

— Копай, — Аля указала пальцем прямо посередине могилы.

Рыжая нерешительно затопталась на месте.

— Тут же трава. Как мы потом...

— Копай, не трусь, — усмехнулась Аля. — Все будет отлично.

— А почему я? — ненатурально возмутилась Сильва, надеясь избавиться от подобной «чести».

— Ты сильнее, — безапелляционно возразила Аля и для подтверждения своего статуса слабой девушки уселась на соседнюю могилу, добавив напоследок: — К тому же у тебя есть перчатки.

Бурча что-то невнятное, рыжая принялась за раскопки, а Аля — за любование погостом.

Ночная тишина нарушалась лишь шорохом земли о лопату, негромкими эпитетами, сопровождающими сие действие, да стрекотанием цикад. Во время красноты они повсеместно спали, но, сколько Аля себя помнила, здесь цикады никогда не замолкали, создавая особую, уютную атмосферу домашнего очага.

Правда, долго любоваться не пришлось — довольно быстро лопата стукнула о камень, и Аля вскочила с места.

— Все, докопались. Теперь аккуратнее — нужно освободить всю поверхность саркофага.

— А ты откуда знаешь? — Сильва ревниво покосилась на подругу.

— Прочитала, — лаконично откликнулась та и принялась помогать, осторожно расчищая руками руны на каменной крышке.

Над расчисткой пришлось потрудиться, так что через полтора часа девушки прокляли все на свете, а Аля — в очередной раз свое легкомыслие и удивительно «прекрасную» способность забывать о таких мелочах, как подходящая надежда, в погоне за призраком решения проблемы.

— Все, — выдохнула девушка. — Можем начинать.

И машинально попыталась вытереть испачканную щеку о плечо, но тут же обнаружила, что умудрилась выпачкаться в земле и там. Совершенно не по-девичьи выругавшись (ох, гувернантка и наругала бы как невоспитанную!), Аля, решив, что ей уже ничего не страшно, вытерла ладони о подол платья, добавив к новой, авангардно-пятнистой окраске еще и полосы, и сосредоточенно принялась нажимать на руны, шепча их названия.

— Откуда ты знаешь?! — не выдержала Сильва, нетерпеливо приплясывающая рядом и заглядывающая в раскоп.

— Не мешай! — огрызнулась Аля, чуть не сбившись с ритма. Рыжая послушно замолчала, но зато начала подпрыгивать на месте от нетерпения. Видимо, час махания лопатой не истощил ее энтузиазма и сил. Чувствующий настроение хозяйки Пуся «мелодично» подкурлыкивал каждый ее прыжок.

Хвала богам, Але оставалось всего ничего, так что процедуру открывания саркофага удалось завершить без происшествий.

— Готово, — девушка машинально вытерла вспотевшие руки и с огорчением глянула на новые земляные разводы.

— Так откуда ты знаешь? — чуть ли не заголосила подруга, надеясь выпытать ответ.

— Жену де... кана звали Эдельвейс, вот я ее имя и набирала, — ответила Аля и, предвосхищая вопрос рыжей, добавила многозначительно, с намеком на тайну. — Прочитала. Я много читала. Очень.

Сильва поджала губы — немного неприятно оказалось обнаружить, что подруга не доверяет, но у каждого могут быть свои тайны, выдавать которые он не обязан. Это Сильва понимала как никто другой, так что решила не настаивать, а заняться делом.

— А теперь что?

— Теперь нам нужно открыть гроб, — буднично отозвалась Аля, про себя очень радуясь пониманию со стороны рыжей и ее необидчивости. Рассказать-то она ничего не могла, категорически, а изощренно врать не хотелось.

— М... Ну ладно, — кивнула Сильва, вновь переступая свой иррациональный страх перед мертвыми. В конце концов, она же знала, на что шла. Ну... Почти знала. Но догадывалась обо всем! Так что девушка спустилась в могилу к подруге и по примеру той уперлась в крышку. — Поехали!

Сдвигаемая крышка отозвалась таким громким, протяжным стоном, что девушки мгновенно вспотели. Казалось, этот стон раскатывается во все стороны громом, и не затухает, а отражается от надгробных гербов, усиливается, становится все громче и в конце концов непременно докатится до ближайшего поселения. И тогда раскрытие их самоволки и полуночного раскапывания могил неминуемо!

Воображение и страх придали сил, так что гроб оказался открыт почти мгновенно.

Две головы столкнулись над разверстым нутром саркофага, и даже не заметили этого, не до синяков и шишек, когда сейчас увидишь сокровище! Однако боль от шишек мгновенно вернулась, а лица разочарованно вытянулись — гроб оказался пуст. Смирно лежащий скелет в саване не считался.

Девушки переглянулись и синхронно вздохнули.

— Облом.

— Угу. И где нам теперь искать сокровище рода?

— А зачем вам оно? — нежный, струящийся словно ручеек серебристый голосок подействовал подобно взорвавшемуся перед носом огненному шару.

Обе «гробокопательницы» синхронно, словно много раз уже репетировали, выпрыгнули из могилы и, раскатившись в разные стороны, залегли за «холмиками». И все это в полнейшей тишине, потому как от страха отнялся язык. Зато элементарь орал за них обоих, если не за троих.

— К-к-кто з-з-здесь? — заплетающимся голосом поинтересовалась Сильва, выглядывая из своего укрытия и демонстрируя во всей красе храбрость и безбашенность боевиков.

Висящий над разоренной могилой призрак серебристо рассмеялся:

— А вы кого хотели увидеть?

— Ни-икого, — выглянула из-за «своей» могилы Аля, оценивая опасность со своей стороны. — Мы-ик никого не ожидали уви-ик-деть.

— Надеюсь, вы не разочарованы? — мирно поинтересовался призрак, складывая ладони на животе. Сквозь него отчетливо проглядывать надмогильный герб, так что оставалось ощущение, что призрак пытается прикрыть его от нескромного взгляда живых.

— Не, — энергично покрутила головой Аля, выбираясь из «убежища», и махнула рукой Сильве, что-то шипящей о дурости некоторых блондинок. Однако и у рыжих этой дурости

оказалось порядочно, так что буквально через несколько мгновений обе девушки дисциплинированно стояли перед призраком — как на параде.

— Вы ведь Эдельфейс Рут? — нерешительно поинтересовалась Аля.

— Она сама, — кивнула призрачная дама. — Теперь я, по всем канонам, обязана задать вам вопрос «Зачем вы потревожили мой покой?», но на него ответ я знаю. Так что рассказывайте, для каких целей вам нужно сокровище рода.

Поначалу стесняясь и запинаясь, девушки принялись просвещать мертвую жену декана Рута о его нынешнем состоянии, но потом разошлись и даже стали перебивать друг друга, живописуя приключения Эдельвульфа и его битву с Продавшимся, а также многолетние попытки вернуть декана к нормальной жизни. Правда, о своих собственных попытках стыдливо умолчали. Мало ли как бывшая мертвая жена отреагирует на нынешние посягательства на ее мужа?!

— Интересно, — пробормотала Эдельвейс, выслушав рассказ. — Значит, расколдовать поможет поцелуй истинной любви и богатство рода, да?

Призрак пытливо глянула на девушек. Сильва не выдержала, густо покраснела и уставилась на мыски сапог. Эдельвейс понятливо улыбнулась, перевела взгляд на Алю и нахмурилась.

Аля умоляюще посмотрела в ответ и качнула головой с надеждой, что покойница поймет ее отчаянную мимику и не выдаст. Эдельвейс улыбнулась, и в уголках губ проскользнуло лукавство лисички. Але даже на миг показалось, что мелькнул хвост. Зато стало очевидно, что декан Рут выбрал свою жену не только за красоту и обаяние, но и за хитрый ум.

— Вы не там искали богатство рода, — улыбка призрака стала мягкой и задумчивой, а рука скользнула по животу. Аля нахмурилась — явный намек. Но на что? — Богатство рода заключается не в артефактах и драгоценностях. Оно — в другом.

Эдельвейс обвела девушек взглядом и спокойным тоном продолжила:

— А теперь вам пора бежать. Приближается мой внук, и он будет очень, очень недоволен, увидев здесь подобное.

Призрак указала на «разграбленную» могилу и горы земли вокруг. Как укушенная пчелой за попу, Аля вздрогнула и схватила подругу за руку:

— Бежим!

— А как же... — заупрямилась та, взрывая каблуками землю.

— Потом! Сейчас! — противоречиво пискнула Аля, продолжая тянуть Сильву.

— Пууусыяя! — рыжая дернула подругу на себя, что позволило вцепиться в клетку с элементом. Однако при этом обе девушки грохнулись на землю, с которой стало твориться что-то странное. Разрытая и разбросанная во все стороны земля поначалу потихоньку, но с каждой секундой все быстрее и быстрее принялась стекаться к могиле, из которой доносился скрежет задвигаемой крышки.

— Ничего себе... — пробормотала очумевшая Сильва, но Аля не дала сбить себя с толку. Подхватила и потянула подругу за руку:

— Бежим! Быстрее!

Крапива и репейник в этот раз не служили препятствием, лишь придавали так необходимое дополнительное ускорение. И когда девушки уже заскакивали в телепорт, до них донеслось невнятное, но очень грозное, явное означающее что-то нехорошее:

— Ооооо!

Но телепорт уже схлопнулся, и соучастницы по совершенному преступлению совершенно обессиленные свалились посреди своей комнаты.

— Кажется, пронесло... — пробормотала лежащая на спине Сильва, нежно прижимая к груди клетку с недовольно курлычущим Пусей, и сдула со лба прилипший локон.

— Угу, — блаженно отозвалась Аля.

— Прикопали бы...

— Ага. Если бы догнали, — счастливо ответила Аля и попробовала сесть.

Болело все, начиная от пяток, заканчивая волосами, которые не могут болеть по определению. Но больше всего — изжаленные крапивой и иссеченные репейником ноги. Мысль о том, что с ними будет завтра, послужила отчаянным катализатором бодрости. Так что девушка резво вскочила на ноги и с воплем «Я первая в душ!» рванула туда, пока подруга не опомнилась и не попыталась занять его первой.

Сильва, конечно, грязнее, но ей-то больше нужно!

— Итак, студент Белая, как вы объясните свое присутствие в холле факультета в ночь перед Бирюзовой Луной?

Голос замдекана звучал строго и сухо, должен был внушать страх или ужас, но Алю волновал только один вопрос — как почесать ноги. Крапива на погосте оказалось на диво ядреная, и вкуче с репейником породила совершенно ужасный результат — не помогало ничего. Никакие мази, что охлаждающие, что против аллергии. Сильва даже выпросила какую-то сверхдейственную диво-настойку у своего куратора, заживляющую раны вплоть до смертельных, но и она не помогла!

Так что мало того, что пришлось облачиться в нелюбимые брюки для сокрытия красных пятен ожогов, так еще делать вид, что все в порядке. И пытаться утихомирить чесотку только там, где никто не будет приставать с вопросами. Например, незаметно во время лекции. Лицом делать умное выражение, одной рукой писать, второй — скрести брюки, что хоть как-то помогало облегчить мучения. Благо хоть никто не вызывал отвечать.

Зато после лекций вызвал к себе господин Берн...

Аля страдальчески поморщилась и постаралась вникнуть в вопрос.

— А когда это было? — вырвавшийся вопрос во всей красе демонстрировал глубину «вникания» и присутствия в окружающем мире.

Замдекана выразительно посмотрел на проштрафившуюся студентку и елеинно поинтересовался:

— Вы были в здании факультета в ночное время несколько раз?

— Нет, — смутилась Аля и опустила взгляд.

До девушки, наконец, дошло в полной мере, перед кем она сидит, и что ее вызвали не просто так, а как минимум за нарушение режима проживания в университете, как максимум — за незаконное проникновение в здание факультета таксидермии. Или еще что похуже!

Если бы не чесотка, она смогла бы что-то придумать, как-то выкрутиться, не в первый раз, сколько лет гувернантку дурила. Но зуд отбивал все мысли напрочь. Даже если бы попросили описать кабинет, в котором проходила прелюдия к экзекуции, и то не смогла бы. Молчать также нельзя, так что Аля выдохнула и сказала правду. Прямо-таки, ляпнула ее от всей души.

— С деканом целовалась.

— М-да... — господин Берн задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Полагаю,

спрашивать о причинах бессмысленно — они очевидны.

Все еще буравящая пол взглядом Аля, кукольно кивнула и прикусила губу, стараясь не взвыть — мамочки, больно-то как! И не совести, к которой пытался апеллировать замдекана, а более низменным частям тела, что забивало и молчащую совесть, и злорадствующий разум, выдающий только одну мысль: «Надо было одеваться по-другому!».

— Что ж, придется вас наказать. Дисциплинарное взыскание на месяц.

Аля недоуменно вскинула глаза, столкнувшись взглядом с женщиной, медленно и аккуратно протирающим очки. Фиолетовый цвет радужки и каменное выражение лица заставляли припомнить все особенности магии василисков. В общем, не смотреть оказалось менее страшно, чем смотреть, так что Аля поспешно вновь изобразила раскаяние и готовность признать вину — лишь бы отпустили побыстрее.

— Лабораторные работы по два часа после лекций займут ваше время, не оставив его на глупости.

Тон подсказывал, что логичное, но не озвученное продолжение звучало как «И вашу голову тоже».

— Ой, правда?! — радостно вскинулась Аля. — Честно-честно?!

Она-то думала, что настоящие практикумы начнутся только со второго семестра, а то и со второго курса, а тут — можно прямо сейчас!

— Вам мало? — с изысканным спокойствием осведомился господин Берн.

— Да нет, наверное, в самый раз, — с небольшим сомнением ответила девушка, попытавшись вспомнить, сколько у нее обычно занимают все домашние задания и подготовка к лекциям. Вспоминалось крайне смутно, но маячивший на периферии здравый смысл грозил пальцем и призывал к благоразумию.

— Вот и замечательно, — постановил замдекана. — Я отдаю вас под начало профессора Бестиа, будете заниматься первичной обработкой образцов.

— Ой, спасибо-спасибо-спасибо! — затараторила Аля, подхватившись с места, и прижимая кулаки к груди. Ногти впивались в ладони, и это помогало хоть как-то пережить зуд. — Это же с завтра, да? А сейчас я могу идти? Пожалуйста!

И девушка умоляюще захлопала ресницами. В сочетании со светлыми кудряшками, белой блузочкой и розовым костюмом должно было подействовать убойно.

Но на господина Берна скорее подействовал убойно неожиданный, как торнадо на море, оголтелый энтузиазм. Видимо от него же студент Белая не стояла на месте, а припрыгивала и странно топталась.

— Хм. Да. Вы правы, профессору надо подготовиться, так что приходите к нему завтра. Точнее сказать, он сам за вами зайдет после лекций. А сейчас — идите.

— Спасибо! — с такой искренней благодарностью выдохнула Аля, что впору было за ней углядеть нечто иное, и подхватив сумку стремглав вылетела из кабинета, оставив замдекана в недоумении и с желанием приглядеть за странной студенткой.

Аля же, почти не разбирая дороги, мчалась к себе в общежитие, мечтая, как нырнет под холодный душ — единственное действенной средство от последствий ночной вылазки.

«А все-таки глаза у него красивые, — мечтательно выдохнула девушка, забираясь под воду и добавляя холодной воды. Когда зубы начали выбивать чечетку от холода, мысль существенно дополнилась: — Зато сам — как этот душ!»

— И ты что, прям вот это... самое... — Сильва сделала характерный жест, однозначно

характеризуемый как «берсерк вырывает сердце врага». — И прям из трупа?

— Ну да, — Аля недоуменно моргнула, не понимая, что так взбудоражило соседку.

— Фууу! — скривилась рыжая. — Копаться во внутренностях — это просто бэ... Неэстетично!

— Ну да, — хмыкнула Аля в ответ. — А жаривать их файерболом до состояния «запеченная свинья с хрустящей корочкой» — это оочень эстетично.

Пищевые ассоциации объяснялись очень просто — подруги с утра копались в книгах в библиотеке, время близилось к вечеру, и они жутко проголодались. Обе. Так что не отказались бы и не только от жареного поросеночка, но и от самой простой каши. Даже капустного кочана!

Но, увы, в библиотеку нельзя было ни с кабаном, ни с кашей, ни с кочаном, даже яблоки нельзя, так что приходилось лишь мечтать о еде, исправно штудировав дополнительную литературу и выписывая формулы в тетради.

Переброс фразами о бутербродиках сделал странный крюк, свернув к Алиной «отработке», а там дело дошло и до тонкостей оной, то есть до потрошения трупов, снятия шкур и специальной подготовке внутренностей для последующего оживления изделий.

— Зато хоть не воняют, — пробурчала Сильва, сравнивая чертеж в пособии по геомантии с тщательно перерисованным на ватман — его предстояло завтра сдать на зачете.

— Это зажаренные трупы-то? — хмыкнула Аля, быстро списывая коэффициенты разложения и необходимой термальной обработки для объектов вида «горгона». Именно их предстояло завтра «готовить», в том числе в автоклаве, и девушка мужественно решила пожертвовать свой выходной для дополнительной (пока еще только теоретической) подготовки к практике. — Ты что, никогда не нюхала, как паленые волосы пахнут?

— Нет, — заморгала Сильва, оторвавшись от своей «пентаграммы в цветочек» — первое, что брякнула Аля, глянув в книгу, и иначе как «пентаграмма в цветочек» чертеж больше не воспринимался. Рыжая даже немного волновалась, не ошибиться бы на зачете — неуд получать никак нельзя. — Что, нехорошо пахнут?

Аля от удивления хватанула воздух ртом, захлопнула, помолчала и осторожно осведомилась:

— Ты что, за всю свою долгую, многолетнюю практику швыряния огнем в разные стороны ни разу не обжигалась и не подпаливала волосы? С такой-то копной на голове.

— Нет, — Сильва смущенно пригладила свои торчащие во все стороны кудряшки, однако те тут же распрямились обратно, словно сделанные из медной проволоки. — С тех пор, как Пуся появился.

— Ааа, — тут же успокоилась Аля, вернувшись к конспекту. — Тогда понятно. Но поверь — крайне неприятно пахнут. Я могу с факультета принести кусок шкуры и спалим вместе. Только подальше от твоего Пуси, чтобы точно загорелось.

Выбравшие хозяев элементарии мало того, что давали им дополнительную силу своей стихии (так что Пуся сыграл не последнюю роль в успешном поступлении Сильвы в университет), но и наделяли защитой. Из-за этого рыжая спокойно лазила голыми руками в заговоренную клетку и совершенно не боялась нечаянно подпалить что-нибудь, пока элементарь рядом — он, как губка, впитывает свою стихию, что могла бы повредить хозяйке.

Причем, обладая собственным разумом, элементарь мог решить, что хозяйке вредят, к примеру, ожоги других людей. И все люди вокруг получали иммунитет от огня. Чем взрослее элементарь (то есть чем дольше живет с магом), тем он сильнее, так что некоторые работали

магическими щитами не только для своего владельца, но и целого отряда.

— Хорошо, — с сомнением кивнула Сильва. С одной стороны, ей очень хотелось провести подобный эксперимент, с другой — подозревала, что ничем хорошим он не завершится.

— Девушки, вы скоро закончите? — подплывший к столу призрак излучал недовольство всеми фибрами своей призрачной души.

Бывший смотритель библиотеки и после смерти не оставил ее, присматривая за читателями в меру своих сил и разума. Посмертное существование одарило его возможностью проходить сквозь стеллажи и отсутствием необходимости спать, так что наблюдатель и сторож получился отменный. Правда, нынешний смотритель его недолюбливал, жалуясь на своевольность призрака и несоблюдение новых правил. Общеизвестная беда привидений, с которой неизвестно как бороться — практически полная невозможность запоминать что-то новое. Вот о старом поболтать — это запросто, а выучить новый распорядок работы библиотеки — увы.

Призрак смотрителя был очень стар и надоедал всем уже несколько десятилетий. То, что студентов женского пола не следует выгонять, даже после заката — это он запомнил. А вот о круглосуточной работе библиотеки — увы, запомнил. Можно было бы с ним поспорить, но призрак отличался занудством и остаточной магией, с помощью которой метил проштрафившихся студюзов, а после читал им нудные морали, мешая заниматься. Так что с призрачным смотрителем предпочитали не ссориться.

Сильва глянула за окно, проверила чертеж вновь и кивнула:

— Пожалуй, действительно пора, — лучезарно улыбнувшись призраку, пока Аля судорожно дорисовывала таблицу, пообещала: — Мы скоро-скоро уже уйдем.

— Смотрите мне, — призрак погрозил пальцем, при жизни костлявым, — вскоре вернусь и проверю! О, и чего этот на ночь глядя приперся...

Бывший смотритель проводил неприязненным взглядом знакомую обеим девушкам фигуру господина Берна.

— Ходит и ходит, все ищет и ищет. И чего ищет — непонятно. Все равно в Уложениях, даже самых древних, нет обхода этого правила.

— Какого правила? — простодушно поинтересовалась Сильва, а Аля застыла точно мышь под метлой — лишь бы не спугнуть внезапные откровения.

— Да как стать ректором в обход поста декана, — с охотой поведал призрак, радуясь появлению заинтересованного собеседника. — У нас ведь как заведено: сначала становишься замдекана, потом деканом, потом ректором. Без ступеньки в виде руководства факультетом руководить целым университетом — ни-ни, никак нельзя. Опыта необходимого нету. Господин-то Берн давно уже претендует на ректора, а из-за проблемы господина Рута — никогда не станет. Вот и ищет, копошится. Только не найдет ничего, — неодобрительно добавил смотритель. — Лишь время теряет, болезный.

— А почему деканом не станет? — искренне удивилась рыжая. — Избраться — и все.

Призрак страшно засипел, но в первый момент перепугавшиеся девушки (вдруг привидение умрет из-за них? То есть, развоплотится!) быстро поняли, что предсмертный сип означает всего-навсегда смех. Специфический такой. От страха сбежать можно.

— Так ведь нельзя, — отсмеявшись, соизволил ответить бывший смотритель. — Во всяких книжечках для новичков о таком не пишут, а в Уставе все черным по белому изложено. Декан может либо сам подать в отставку, либо уйти с должности, так сказать,

ногами вперед. В гробу.

Аля с Сильвой переглянулись, переживая новый приступ сипа, то есть, смеха со стороны призрака, радующегося собственной шутке. Пусть и низкопробной, зато — собственной.

Интересные подробности выяснялись про замдекана факультета таксидермии, прямо-таки детективные! Но теперь становилось понятно, от чего он всегда с таким недовольным лицом ходит. Еще бы — больше ста лет ждать, пока сможешь продвинуться по карьерной лестнице, это тебе не пирожками питаться.

Помянутые пирожки тут же предстали перед мысленным взглядом Али во всей своей румяной красе, источая умопомрачительный запах печеной сдобы и мяса. Девушка сглотнула набежавшую слюну и спросила у закончившего сипеть призрака:

— А от чего в другой университет деканом не пойдет?

— Так ведь слово дал, — с удовольствием выдал очередную тайну призрака. — Декану и дал, когда тот отправился на дуэль, что присмотрит за факультетом, если с ним что-то случится. И вот — случилось. А слово-то забрать нельзя, как и нарушить. Он ведь магией поклялся с какой-то дурости.

— Ничего ж себе, — протянула Сильва.

— Вот так, — довольно захекал бывший зритель и тут же нахмурился, вспомнив о своих обязанностях: — Так когда вы зал покинете?

— Уже сейчас, — Аля подскочила с места и принялась собирать учебные материалы. — Только книги сдадим — и сразу уйдем.

— Это правильно, — важно кивнул призрака. — Во всем должен быть порядок и учет.

Аля что-то согласно пробормотала, обдумывая потрясающую мысль: если господину Берну позарез нужно стать деканом, то он как никто другой заинтересован в расколдовывании господина Рута!

Правда, обдумать мысль мешал жалобно бурчащий живот, но после ужина уже ничто не помешает!

Мысль, конечно, обдумалась, причем с двух сторон — и Алей, и Сильвой, но как ее реализовать оставалось совершенно неясным. Подойти к заместителю декана и сказать: «Уважаемый господин Берн, вы не можете нам найти сокровища рода, чтобы расколдовать господина Рута? Сами мы пока не догадались, что это такое, несмотря на подсказку покойной жены господина Рута. Как мы с ней поговорили? Разрыли ее могилу. Ночью. Сбежав из университета».

Подобное признание звучало не очень хорошо, так что девичий совет постановил: Але нужно втереться в доверие к замдекана, а там уж как-нибудь потихоньку склонить его к сотрудничеству. А для этого жизненно необходимо остаться и дальше отрабатывать наказание, то есть помогать в лаборатории после учебы.

Как это сделать — тоже было не слишком понятно. На Алино место помощницы профессора Бестиа претендовало несколько человек, в том числе со старших курсов, так что девушке крупно повезло с ее отработкой. По традиции, отбор студентов на эту должность проходил после сдачи первых промежуточных экзаменов. Но, видимо, профессору не доставало помощника, так что замдекана сунул первого попавшегося под серьезные штрафные санкции студента с мыслью: выдюжит — останется учиться, не выдюжит — значит, таксидермия не его стезя. И на Алино счастье «первой попавшейся» оказалась она.

Выяснив все подробности отбора, девушки приуныли. Вариант «нарушить Устав» отпадал сразу, выбирают-то из лучших, а не из худших, и вряд ли проштрафившаяся студентка выдержит конкуренцию с остальными. С другой стороны, в отличие от этих «остальных», Аля уже почти целый месяц проработала в лаборатории, так что все выучила и помогала, не допуская ляпов. Ну... Почти не допуская.

Так что очередной девичий совет по спасению Эдельвульфа Рута постановил: Аля нужно идти к замдекана и лично просить оставить в лаборатории. Не для опытов, а помощницей.

Морально поготовившись несколько дней и осознав, что крайний срок прошения — завтра, Аля после лекций отправилась на покорение вершины под названием «господин Берн», имея в качестве щита аттестат с одними пятерками по промежуточным экзаменам.

Однако покорить ее, вершину, с налету не удалось — замдекана отсутствовал. Так что девушка решила скрасить ожидание болтовней с Рудольфусом — с отработкой, подготовкой к экзаменам и расшифровкой заклинаний Аля почти совсем перестала забегать к оленю и успела соскучиться. Можно и проблемы обсудить попробовать — химероид «оберегал» факультет почти все то время, пока декан украшал его холл в качестве статуи, и много знал. К тому же он всегда предупредит заранее о появлении господина Берна.

— Здравствуй, Рудольфус, — девушка лучезарно улыбнулась оленю.

В ответ тот скучающе скосил глаза и осклабился. Уже немного разбирающаяся в характере химероида девушка скромно молчала, пережидая приступ гримас, долженствующий обозначать «Я на тебя обижен».

В конце концов пантомимы Рудольфусу надоели, как и молчание, так что он неприветливо буркнул:

— Зачем пришла?

— Соскучилась, — со всей искренностью ответила Аля.

Олень с подозрением изучил девушку, но все-таки решил ей поверить. Кстати говоря, подозрительность у него была врожденная, а не приобретенная после оживления господином Рутот — тот, судя по мемуарам и байкам, отличался скорее безбашенностью, как и все боевики. Так что картинка вырисовывалась прелестная: лезущий в самое пекло, не обдумывая последствий, маг и его олень-параноик.

— Ну ладно, — смилостивился Рудольфус. — Поверю. Рассказывай, чем ваша авантюра завершилась.

О ночном посещении погоста Аля успела поведать, а вот о последствиях — нет. То кто-то мешал, не поболтаешь наедине (не снимать же голову со стены, чтобы утащить в укромное местечко с целью общения), то у девушки не было времени. Так что короткие разговорчики никак не могли удовлетворить интерес оленя, тоже очень заинтересованного в оживлении своего создателя.

— Ой, странно как-то, — вздохнула Аля и пересказала весь разговор с призраком, включая его намеки и жесты. — Мы пока не разгадали, что же она имела в виду. Кажется, показывала на герб, но что из этого следует?

— Ну ты балда, — покровительственно фыркнул Рудольфус. — То есть обе вы — балды.

— А разве такое слово существует? — нахмурилась девушка. Как ни привыкла она к оленю, но все же не очень приятно, когда химероид обзывает тебя по-всякому. Хотя бы без ошибок обзывал, что ли.

Рудольфус в ответ только фыркнул:

— Неважно. Важно то, — он многозначительно помолчал, — что сокровище рода — это сам род. Разве не очевидно?

Вспыхнув от досады, Аля мрачно посмотрела на креатуру:

— Если это очевидно, почему же ты молчал больше века?

— Меня никто не спрашивал, — недовольно поджал губы олень, разом сделавшись похожим на господина Берна.

Ага, и не было подсказки от Эдельвейс Рут — можно было бы, конечно, язвительно прокомментировать, но вместо этого Аля погладила химероида по морде и с теплотой поблагодарила:

— Спасибо.

Висеть на стене сто лет, ожидая, что в любой момент окаменеешь — не сахар, неудивительно, что язвительность превратилась в неуживчивость.

Рудольфус повздыхал и смущенно попросил:

— Почеши мне, пожалуйста, рог. У меня эти... фантомные боли. Поранил еще когда был живой, а теперь иногда жутко чешется.

Пережившая крапиву Аля преисполнилась сочувствием к собрату по несчастью. Она-то еще могла хоть как-то снимать зуд, а прибитая к стене голова и этого не могла!

— Этот? — девушка с готовностью потянулась к левому рогу.

— Кхм! Студент Белая, чем вы занимаетесь? — раздавшийся из-за спины желчный голос заставил с ойканьем подпрыгнуть и повернуться, прижимая к себе сумку с конспектами, атавистическим жестом защиты от злобного окружающего мира.

Злобный окружающий мир персонифицировался замдеканом Берном, с неодобрением наблюдающим за милым разговором.

— Рог чешу, — пролепетала Аля, растеряв все мысли и почти расставшись с даром речи, а химероид мгновенно прикинулся обыкновенным охотничьим трофеем.

— Зачем? — поинтересовался мужчина, скептически изогнув бровь.

— У Рудольфуса рог чешется, — смущенно призналась Аля, почему-то чувствуя себя дурой, несмотря на полный пятерок аттестат и приличный (в отличие от прошлого разговора с замдеканом) внешний вид.

— Кхм, — повторился господин Берн, переводя взгляд на оленя. — Почему-то он раньше не говорил о таком.

Рудольфус приоткрыл один глаз и буркнул свое любимое:

— А вы не спрашивали.

— Ну действительно, как я мог не догадаться и не поинтересоваться, не чешутся ли у тебя рога, — саркастически отозвался мужчина. — Вот что, студент Белая, отпускаяте свою сумку, сейчас будете помогать мне.

— В чем? — ошарашенно пискнула Аля.

— Сейчас отнесем Рудольфуса в лабораторию. У него же рога чешутся.

Олень, у которого со словом «лаборатория» были связаны не самые приятные воспоминания, испуганно вытаращился и заблеял:

— Ме... Ме... Меня?!

— Тебя, кого же еще. Не студента Белую же, — фыркнул господин Берн, примеряясь к деревяшке.

— За что?! — взвыл Рудольфус.

— Студент Белая, если вы сейчас ответите на этот вопрос, у вас будет автоматом

пятерка за год по физиологии изделий, — пропыхтел мужчина, аккуратнодвигающий по стене «дом» Рудольфуса. Несмотря на внешнюю худобу, господин Берн отличался изрядной физической силой — одна деревяшка из палисандра весила ого-го сколько, а вместе с головой — и подавно. — И, ради всех богов, придержите ему рога!

Стряхнув с себя ступор и сумку, Аля отважно кинулась на помощь. Рога оказались тепловатыми и сухими на ощупь. И шершавыми — руки по ним совершенно не скользили, чего втайне опасалась девушка.

— Щекотно! — захихикал химероид и дернул головой, вызвав невольно вырвавшийся у замдекана нелицеприятный эпитет в свой адрес.

Однако процедуру снятия удалось завершить успешно, не уронив ни Рудольфуса, ни свое достоинство.

— Так, студент Белая, — выдохнул господин Берн, стряхивая с костюма пыль и куски древней паутины, сплетенной, похоже, несколько десятилетий назад и успевшей превратиться в пылевую мумию. — Я сейчас возьму нашего уважаемого Рудольфуса сзади, вы берете его за рог и ведете нас в лабораторию, следя, чтобы ни Рудольфус, ни я никуда не врезались. У меня будет весьма ограниченный угол зрения и обзор. Вам понятно?

Аля судорожно закивала. Обсыпанный пылью замдекана не вызывал ни малейшего желания смеяться над ним, скорее броситься на помощь. Однако вековая пыль, радостно вцепившаяся в ткань, не собиралась покидать уже насиженное место без боя, так что господин Берн вскоре бросил эту бессмысленную затею. Тем более что еще предстояло тащить Рудольфуса в лабораторию.

— Вы готовы? — замдекана сурово воззрился на Алю. Девушка вновь конвульсивно кивнула. — Тогда — начали.

И мужчина одним рывком поднял деревяшку.

— А дальше? — потребовала с горящими глазами Сильва.

— Он шикарен, — мечтательно выдохнула Аля, подперев подбородок рукой, и вновь помешала ложечкой давно остывший чай.

— Кто? — с подозрением поинтересовалась рыжая. — Рудольфус?

— Кто? — очнулась Аля, излишне громко звякнул ложечкой о стакан. — Какой Рудольфус? Господин Берн! Видела бы ты, как он колдует! Как... Как...

Девушка замялась, подбирая эпитет, но все казались либо затасканными, либо неподходящими. Так что пришлось просто еще раз восхищенно выдохнуть и с удвоенной силой зашуровать ложечкой. Похоже, ложечка как-то активировала мозги, так что Аля все же подобрала определение.

— Как самый настоящий гений! Профессор Бестиа, конечно, тоже хорош, но и в подметки не годится замдекану Берну. Пока он долго и нудно подбирает векторы, господин Берн просто — ррраз!

Непонятно, что именно хотела показать Аля, но размахивать ложечкой, выхваченной из чая, оказалось не лучшей идеей. Большая часть брызг зашипела, испаряясь, над клеткой, а распушившийся Пуся яростно заголосил, выражая свое недовольство внеплановым купанием. Взвизгнувшая от неожиданности Сильва принялась судорожно стряхивать с себя капли, а Аля — спасти свой конспект, опрометчиво оставленный рядом на столе.

Когда суматоха улеглась, Пуся успокоился подарком в виде новой огнеупорной деревянной лошадки, а чай — вновь налит в кружки, девушки уселись сплетничать дальше.

Только Сильва превентивно сама размешала сахар и выдала подруге уже сладкий чай.

— Я поняла — колдует он мастерски, — отпивая глоток, резюмировала рыжая. — А дальше-то что было? Что он там наколдовал?

— Ооо! — оживилась Аля. — Дальше самое интересное! Оказывается, рога у Рудольфуса не просто так чесались. Он начал «оживать».

— То есть как — оживать? Он же и так уже живой, — удивилась Сильва.

— Не оживать, а «оживать», — важно поправила подругу Аля, не сразу осознав, что именно сказала. — Эм... Ну то есть он живой, конечно, но должен был окаменеть, если бы не постоянная подпитка. А тут — признаки окаменелости отступать начали!

Аля с триумфом посмотрела на рыжую, словно это она самолично привела оленя в подобное состояние. Однако недоуменный взгляд Сильвы дал ясно понять, что она не понимает причин столь бурной радости. Так что пришлось объяснить.

— Разумные химероиды, такие, как Рудольфус, завязаны на творца. Если другие изделия декана Рута смогли продолжить существовать самостоятельно, то у Рудольфуса, как у первой, экспериментальной разработки, привязка оказалась сильнее, вот он и стал усиленно каменеть без энергии творца. А раз жизнь возвращается, тооо... — многозначительно протянула Аля, подначивая подругу на логические построения.

Однако та продолжала лупить глазами, и девушке пришлось самой раскрыть суть случившегося.

— Значит, что декан Рут оживает! Заклятие спадает! — и тут же похвасталась: — Я сама догадалась, а господин Берн подтвердил!

Сильва, опрометчиво хлебнувшая чая, тут же закашлялась не в силах вымолвить ни слова. Аля привстала с места и заботливо похлопала подругу по спине, пока та не успокоилась.

— Боги... — пробормотала рыжая со смесью радости, восхищения и страха. Не каждый день узнаешь, что твой герой, тот, которым ты восхищалась всю жизнь, оживает! — Это точно?

— Ну... — протянула Аля, чуть смутившись, — по косвенным признакам — да. Обследование пока не выявило никаких качественных изменений, но они и не должны были так скоро проявиться. Так господин Берн сказал.

— И ты, конечно же, напросилась к нему в помощницы? — полуутвердительно поинтересовалась Сильва.

— М... — замялась Аля, порозовев с досады.

— Не напросилась, — проницательно ответила на свой же вопрос рыжая и вздохнула. — Но почему?

— Не подумала, — честно высказалась девушка, порозовев еще больше. — Напрочь забыла.

— Ты? — искренне удивилась Сильва. — Ты же за этим и шла. Мы же столько это обсуждали!

— Ну вот как-то так, — неловко пожала плечами Аля. — Столько всего случилось, так все завертелось, что когда господин Берн провожал меня до общежития, я совсем позабыла о том, что нужно попросить оставить меня помощницей в лаборатории.

Сильва весело хмыкнула. Смущенная Аля с досадой попыталась откреститься от мыслей, что возникли у подруги:

— Он только провожал! И все. Поздно же было, вот и проводил.

- Ага, у нас тут столько разбойников и нечисти, то девушке одной ночью никак ходить нельзя, — с ехидцей заметила рыжая.
- Мы о декане говорили!
- Как романтично! — закатила глаза Сильва и выдала с придыханием, копируя подругу: — Он такооой...
- Я сейчас в тебя подушкой запущу!
- Осторожно, чай!

Прошел месяц, но никаких особых изменений ни в состоянии Рудольфуса, ни в состоянии господина Берна не произошло. Аля каждый день по два раза бегала проверять что первого, что второго, и приносила пока безрадостные вести все больше нервничающей Сильве. Рыжая даже похудела от волнений, хотя ела как не в себя. Казалось, даже элементарь вслед за хозяйкой отошал, хотя такого просто быть не могло.

Аля за компанию с подругой тоже нервничала, хоть и держала руку на пульсе, а головой старалась трезво думать. Но и ей приходилось нелегко, ведь и ее мечта оживить декана Рута стопорилась и топталась на месте. Одно хорошо — господин Берн сам, без всяких просьб, оставил Алю при лаборатории, и даже не помощницей профессора Бести, а со свободным доступом. Что означало, что студент Белая может заниматься, чем ей пожелается: своими проектами, помощью в других проектах, да и просто сидеть и наблюдать за работой мастеров, выполняя несложные поручения вида «подай-принеси».

Единственное обязательное условие работы: вести журнал наблюдений за Рудольфусом, не афишируя их. Декан Берн был уверен в своих выкладках, но предпочитал их до поры до времени никому не показывать, пока не последует экспериментальное подтверждение.

Так что Аля каждый день, утром и вечером, когда никто не видит, чесала рога оленю, слушая его хихиканье и язвительные жалобы на остолопов, кои не чета его создателю, проверяла жесткость шерсти и измеряла уровень магических потоков. Тщательно конспектировала результаты и после показывала замдекану Берну. И почему-то каждый раз так получалось, что девушка либо задерживалась, разбирая с господином Берном результаты или делая наметки экспериментов, либо он провожал свою протезе домой.

Другие студенты (в основном — студентки) завидовали ничем особо не примечательной девушке, которая снискала благоволение заместителя декана и преподавательского состава. Особо злобные языки (в лице Неряды и ее подпевал) пускали шепотки, что высший бал по всем предметам получен именно из-за него, благоволения. Но после того, как слухи дошли до ректората, и Аля с блеском выдержала повторную проверочную работу, на злоязыкие высказывания почти все перестали обращать внимание. Сама Аля и до этого их игнорировала — дел было такое множество, что только успевай крутиться, не до реагирования на идиотские инсинуации.

— Аля, вы когда-нибудь видели белоцвет? — поинтересовался господин Берн, провожая свою подопечную. В очередной раз задержавшуюся на факультете.

— Нет, — помотала головой девушка. Даже если бы и видела, все равно бы не призналась — интересно ведь, что именно ей покажут и расскажут. Ну хотя бы просто расскажут.

— Это удивительное зрелище, — мягко улыбнулся замдекана.

Аля уже не раз замечала, как меняет лицо мужчины улыбка — пропадает вечное напряжение и хмурость, разглаживаются строгие морщинки между бровей, появляется

задумчивая мечтательность, даже романтичность. И глаза становятся другими. Когда господин Берн изображает из себя строгого преподавателя, они словно выцветают и покрываются патиной. Тогда кажется, что с трудом встретишь кого-нибудь более холодного и не интересующегося обычной жизнью. Только обучение, только магия — и все. Улыбка убирала стылость и патину усталости, наполняла взгляд теплотой, и очень-очень хотелось провести пальцем по лбу, помогая вечным морщинкам разглаживаться, стирая хмурость и недовольство жизнью. В такие моменты Аля даже осмеливалась называть замдекана «Райли». Про себя, конечно. Вслух — только «господин Берн». Никакой фамильярности. Как пелось в одной песне, обретшей внезапную известность и славу несколько лет назад, «Декан и студентка — они, если честно, не пара, не пара, не пара» — действительно, не пара, даже если не декан, а замдекана. Так что — только учеба, только магия! Ну и разговоры, из них ведь можно узнать столько всего интересного!

Каким-то потрясающим образом в эту картину мира укладывалось отношение Сильвы к декану Руту, ничуть ее не нарушая и не разрушая. Словно Сильва была сделана из другого теста и имела полное право и на свои чувства, и на надежды. Но над этим противоречием Аля не задумывалась, она его просто не видела.

— Особенно в полнолуние. Бывает очень редко и сегодня, по прогнозам, будет белоцвет. Хотите посмотреть?

Аля, не задумываясь, кивнула.

Тропинка таинственно кружила между деревьями, уводя вглубь университетского сада, по размерам и древности соперничающего с многими священными рощами. С кустов то и дело вспархивали светлячки, огненными искрами уносясь вдаль по каким-то своим, светлячковым делам, оставляя за собой светящиеся росчерки следов, медленно растворяющиеся в воздухе. Утоптанная земля глушила шаги, и Але, на всякий случай идущей с господином Берном под руку, грезилось, что они очутились в сказке или какой-нибудь легенде. Непременно — с хорошим концом, иначе это неинтересно. Разве интересно быть участником легенды, что закончится плохо?

Зимний воздух наполнился прохладой — не хрусткой и морозной, как на севере, а мягкой, как легкий ветерок, только обещающий холода, что придут не скоро.

Становилось зябко, так что одетая в платье Аля невольно прижималась к мужчине, греясь о теплую руку и смутно желая оставаться в молчаливой сказке, нарушаемой лишь шелестом листвы, как можно дольше.

Но всякая сказка когда-нибудь заканчивается. Эта тоже завершилась, когда тропинка вынырнула на большую, круглую поляну, посередине которой высилось несколько кленов. Днем они бы радовали глаз багрянцем листвы, но ночь диктовала свои правила, раскрашивая все вокруг в черно-белые тона.

Господин Берн оглянулся и указал рукой в темноту:

— Нам туда.

Интерес девушки к таинственному «туда» разрешился буквально через несколько секунд: в «там», в прогалине между кустов, кто-то заботливо сколотил небольшую скамейку, с которой открывался прекрасный вид на поляну. Саму же скамейку с тропинок и не разглядеть, если не знать.

Аля не была такой уж невинной, чтобы не понимать, для чего делают подобные скамейки в укромных местах, так что сердце девушки судорожно колотилось, пока ее галантно усаживали и накидывали на плечи пиджак. Против последнего Аля попыталась

было протестовать, но так неубедительно, что сама же и прекратила отнекиваться под ироничным взглядом господина Берна. Оставалось только укутаться в дарящую тепло ткань и уткнуться в нее носом, вдыхая очень приятный и нераздражающий запах, идущий от ткани. Дерево, влажный мох, какие-то цветы. Почему-то представлялись белые колокольчики, но девушка слабо разбиралась в ботанике, и совершенно не была уверена, что даже мох опознала правильно.

— Смотрите, — господин Берн каким-то самым обычным жестом приобнял Алю за плечи и указал на клены. — Начинается.

Первые минуты девушка ничего особого не видела, поглощенная скорее переживанием, как именно отреагировать на объятия, но потом разворачивающаяся перед ними картина захватила все внимание.

Потому что начиналась новая сказка.

Кажущиеся черными листья кленов начинали светлеть, один за другим. Поначалу медленно, но с каждой секундой все быстрее и быстрее, словно по деревьям прошла лавина, припорошившая их тонким слоем только что выпавшего снега. И точно как снежинки, вся листва в свете луны блестела серебром и переливалась разноцветными искрами от малейшего дуновения ветерка. Самые обычные клены превратились в серебряные волшебные деревья, усыпанные алмазной крошкой. Зрелище завораживало и наполняло восторгом сердце. А потом деревья запели.

Касания листьев друг друга отзывались тоненьким, почти не слышным звоном, ручейки звучащих в унисон мелодий сливались друг с другом, пока не превратились в полновесную, полноводную реку, заполнившую необычной, негромкой музыкой все вокруг.

— Что это? — потрясенно прошептала Аля, невольно сжимая мужскую ладонь и переплетая пальцы.

— Это белоцвет, — негромко отозвался господин Берн, словно опасаясь спугнуть мелодию. — Эти клены растут прямо над лесным источником силы, и когда происходит выплеск магии, деревья поглощают его, превращаясь в живые конденсаты. Растения не могут быть конденсатами, потому они преобразовываются и изливают магию остальным своим собратьям.

Рассказ вплетался в мелодию, сливался с ней и становился частью сказки, которую невозможно позабыть.

— Когда весь выплеск будет переработан, клены станут прежними. Это — белоцвет.

— Как чудесно, — Аля повернула голову и зачарованно посмотрела в лицо мужчины.

Отблески серебряных листьев выбелили кожу и придали взгляду блеск настоящих глаз василиска, только вместо золотистых крапинок в них плавали серебряные.

Господин Берн, Райли, склонился чуть ниже, и дрожащая от избытка чувств Аля чуть приоткрыла губы в ожидании первого в своей жизни поцелуя, но... Но мужчина вдруг закаменел, словно решил пойти до конца в подражательстве василискам, и отвернулся.

— Как я уже говорил, самый красивый белоцвет бывает в полнолуние. Нам повезло.

Голос звучал напряженно, и вслед за ним вся атмосфера очарования разрушилась, словно картонный домик в руках неумелого фокусника. Аля недоуменно моргнула, не понимая, что случилось, и крепко сжала губы, подавляя желание расплакаться.

— Повезло, — тускло отозвалась девушка через несколько минут, когда листья под смолкающую мелодию начали темнеть.

Обратный путь они также проделали в полной тишине, только в этот раз Алю не

радовали ни таинственность, ни светлячки, ни тропинка, ни возможность держать господина Берна под руку. Сухо попрощавшись с ним у входа в общежитие, девушка поднялась к себе и разрыдалась, уткнувшись в подушку.

Эта сказка оказалась с несчастливым концом.

Правду говорят — утро вечера мудренее. На утро Аля проснулась в неожиданно бодром настроении. Вчерашнее желание зарыться в постель и никуда не идти испарилось и заменилось активным, даже немного грозным «Ну и ладно, ну и пусть! У меня есть цель — расколдовать декана Рута, вот и буду ее реализовывать!».

— Как твоё свидание? — елеинно поинтересовалась Сильва, когда Аля бодрым шагом вышла из ванной, умытая, причёсанная и приведенная в боевой настрой.

Мрачно зыркнув на подругу, девушка отчеканила, печатая каждое слово как полновесный золотой или гвоздь в крышку гроба:

— У нас не было, нет и не может быть никаких свиданий. Точка.

Рыжая опешила и осторожно уточнила:

— Что-то случилось? Он тебя обидел?

— Нет, — отрезала Аля и, глядя в зеркало, поправила вызывающе-алый пояс, стягивающий талию. — Все прекрасно.

— Я вижу, — недоверчиво хмыкнула Сильва, во все глаза разглядывая девушку. — Если вдруг захочешь поговорить — я рядом.

Аля независимо передернула плечами и решила, что платью в красный горох — именно то, что нужно. А то что это она все в каких-то пастельных тонах ходит, как моль бледная? Нет, понятное дело, для конспирации, но даже конспирация время от времени надоедает, особенно когда... Девушка скрипнула зубами, схватила сумку с конспектами и кивнула своему отражению в зеркале:

— Ну, я пошла.

Отражение согласно покивало в ответ, а соседка добавила немного растерянно:

— Иди-иди. Только не споткнись!

— С чего это я должна спотыкаться? — затормозив у самой двери, Аля недоуменно обернулась на подругу.

— Да я когда в свои переживания погружаюсь, вечно спотыкаюсь, — простодушно откликнулась та.

— И вообще я не в переживаниях! — бросила Аля и гордо захлопнула дверь.

— Ага, я вижу... — пробормотала Сильва, решив, что за соседкой нужно последить. А еще лучше — проследить. А то мало ли... Словно прочитав мысли хозяйки, Пуся согласно курлыкнул.

Тем временем Аля, вбивая каблук в дорожку и пылая жаждой мести... ой, то есть работы, мчалась на факультет. Представляя, как она делает какое-нибудь жутко полезное открытие или изобретение, все ее благодарят, а этот, который замдекана Берн, кусает локти от зависти. Именно так и будет!

— Здравствуй, Рудольфус! — все еще пылая разнообразными чувствами, Аля шлепнула на пол сумку и вытащила планшетку для записей состояния химероида.

Олень диковато покосился на девушку.

— Какая-то ты сегодня странная.

— Обычная, — отрубил Аля и вытащила карандаш из нечаянно продырявленной

насквозь бумаги.

Химероид ослабился, показав острые зубы:

— Значит, до этого ты все время пребывала в необычном для себя состоянии духа. Так вот ты какая: цветочек аленький, а не одуванчик беленький.

Девушка приняла «рабочий» вид, поджав губы и невольно скопировав замдекана Берна.

— Прекращаем болтать, начинаем диагностику.

Рудольфус фыркнул:

— Ну давай, начинай. Только весь лист не изорви, проверяльщица.

Аля фыркнула и со злости еще несколько раз ткнула в планшетку карандашом, со скрипом провела поперек листа, «подчеркивая» пока не сделанные записи. Как ни странно, зверское расчленение бумаги под заинтересованным взглядом химероида помогло. Выдохнув, девушка заменила сломанный карандаш и порванный лист и в уже более-менее нормальном состоянии приступила к обследованию, механически записывая данные и не обращая на них особого внимания. Только когда шерсть под пальцами показалась мягче, чем была раньше, Аля заинтересованно застыла и, продолжая машинально гладить оленя, всмотрелась в записи.

— И спинку почеси, пожалуйста, — попросил блаженно жмурящийся Рудольфус.

— Ага, — рассеянно откликнулась Аля и, не отрывая взгляда от красиво выведенных собственной рукой данных, привстала на цыпочки и принялась скрести ногтями химероида по хребту. Внезапно остро кольнуло искоркой. — Ой!

Аля отдернула руку, растерянно глянула на пальцы, перевела взгляд на планшетку с записями и...

— Уиии!

Вряд ли холл факультета видел когда-либо подобный дикий танец. Прижав к себе драгоценные результаты, девушка прыгала и кружилась от радости, пища и выкрикивая что-то невнятное, просто от избытка чувств.

Ошеломленный Рудольфус остолбенело наблюдал за плясками, пока к нему не вернулся дар речи:

— Эк тебя унесло, одуванчик...

— Иии! — Аля попыталась обнять химероида, ожидаемо не получилось, так что пришлось просто чмокнуть в нос.

Впавший в еще большую протрацию олень очумело попытался пошевелить этим самым носом и поинтересовался:

— Что случилось?

— Получается! Получается! — запрыгала вокруг Аля и, схватив сумку, побежала к кабинету заместителя декана.

— Что получается? — только и успел крикнуть ей вслед химероид, но девушка не ответила — уже умчалась со всех ног, только топот каблучков по лестнице рассыпался дробным эхом.

Запыхавшаяся Аля без стука ворвалась в кабинет замдекана и оперлась о его стол в попытке отдышаться. Опешивший в первый момент господин Берн почти сразу взял себя в руки и принялся подниматься.

— Студент Белая, я хочу принести изви...

— Позже! — остановила его жестом успевшая отдышаться девушка. Правда скрюченные пальцы, направленные прямо в лицо вряд ли могли вызвать добрые чувства, так что Аля

поспешно опустила руку и быстро выпалила: — Получается!

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался с успехом прячущий растерянность замдекана. От сегодняшнего дня он ожидал чего угодно, от нежелания студентки с ним встречаться до обвинений, но не такого.

— Вот! — Аля быстро выложила на стол записи последних трех дней. — Видите, скачок!

Она требовательно постучала пальцем по листам, обращая внимание на возникшую аномалию.

— Уровень энергии вырос почти в полтора раза!

— Действительно, — задумчиво пробормотал господин Берн, опустился в свое кресло и принялся тщательно протирать очки. Видимо, медитативные движения сопровождал мыслительный процесс и как только он завершился, обуреваемый жаждой деятельности мужчина подскочил обратно. — Нужно проверить декана Рута.

Обратно к лестнице они бежали уже вместе — чинно и не слишком торопливо, ведь бегущий сломя голову заместить декана может вызвать самые разнообразные панические мысли у всех встреченных. А так — ну мало ли, куда торопится.

— Да, действительно, что-то происходит, — заключил господин Берн, обходя «статую». — Заклинание не снято, но центры сопряжения изменились.

— Так у нас получается? — с надеждой спросила Аля, трезво оценивая свои способности и уровень знаний по сравнению с замдекана.

— Что-то, несомненно, происходит, — повторил тот. — Заклятье ослабевает. Необходимо найти причины.

И не утруждая себя спуском с лестницы, по-мальчишески перегнулся через перила:

— Рудольфус!

Аля прикусила губу, лишь бы не засмеяться, а снизу донеслось недовольное:

— Чего вам?

— Ночью или утром декана никто не целовал?

Не выдержав, девушка представила толкающуюся очередь студенток и других дам, выстроившихся с целью целования декана, и невольно хихикнула, прикрыв рот ладонью.

— Нет, — все также недовольно буркнул химероид.

— Точно? — продолжил настаивать господин Берн с дотошностью настоящего ученого.

— Я вам что — Око Всевидящее? — вспыхнул Рудольфус. — Я лично никого не видел, двери никому не открывал. Но если кто-нибудь телепортировался прямо к господину Руту и поцеловал его так, что я этого не слышал, то возможно и поцеловали.

— Хорошо, я понял, спасибо, Рудольфус, — откликнулся замдекана.

— И вам не хворать, — отъязвился химероид и вдруг вспомнил о плясках Али: — Эй, а что происходит-то?

— Мы пока точно не знаем, разбираемся.

— Разбираются они, — забубнил олень. — Пока разберутся, я тут помру одинешенек, в тоске и печали.

— Не умрешь, — Аля свесилась с перил рядом с господином Берном. — У тебя шерсть мягче стала!

— Правда? — не доверяющий никому Рудольфус повертел шей в попытках ощутить мягкость шерсти. — Потому так чешется?

— Ага, — счастливым голосом подтвердила Аля.

— А она точно опять не закаменеет? — недоверчиво прищурился олень.

— Мы разбираемся, — обрубил разговор господин Берн и помог Але подняться, не упав с перил, пробормотав: — Химероид-ипохондрик — ужас что за создание. Не понимаю, как господин Рут с ним справлялся.

— Говорят, он был очень веселый, — девушка машинально расправила платье. — Нужно было наоборот, приглушать веселость и энтузиазм. А вы ведь...

Она прикусила губу, чтобы не сказать лишнего.

— Вы ведь его знали, да?

— Знал, — коротко ответил господин Берн, поворачиваясь к декану и закладывая руки за спину. — Он был моим учителем. Я его очень уважал. И уважаю.

За словами скрывалось нечто большее, но Аля не решилась расспрашивать, хоть и очень хотелось. Нарастающую неловкость разбил басовитый удар колокола, доставший до самых отдаленных уголков здания.

— Ой, на лекцию пора бежать, — подпрыгнула девушка.

— Да, идите, студент Белая, — кивнул замдекана, так и не повернувшись. — Вечером жду вас с результатами измерений.

Так и не решив, что же ей хочется больше (но что она никогда-никогда делать не будет!): от души огреть мужчину стопкой учебников или обнять, Аля молча развернулась и побежала в аудиторию.

Несколько следующих дней состояние оставалось стабильным что у Рудольфа (стабильно ипохондричным, чтобы, как олень сам неохотно признался, не спугнуть удачу), что у господина Рута (стабильно непонятным, но с какими-то улучшениями), что у Али (стабильно нервным, когда господина Берна хочется то огреть чем-нибудь тяжелым, то обнять).

У Сильвы состояние тоже было стабильным — стабильно-паническим. Ее даже освободили от практических занятий, когда рыжая чуть не сожгла заговоренный от всех стихий сарай, за которым пряталась вторая группа студентов во время межгруппового состязания. После тушения сарайчика и приведения в чувство всех пострадавших (больше морально, чем физически), ошеломленный преподаватель отправил поникшую студентку на повторное обследование. Экспресс-тестирование показало многократное увеличение магического потенциала и силы Сильвы, обусловленного эмоциональным состоянием, что в столь юном возрасте грозило выгоранием. Так что девушке выписали успокоительное и прописали временное ограничение использования магии. В результате рыжая слонялась безутешным привидением по общежитию и университетскому городу, страдая и не зная, куда себя деть.

А потом случилось страшное...

Между окончанием лекций и тестированием химероида, которое для чистоты эксперимента следовало проводить точно в одно и то же время, Аля решила забежать в общежитие — бросить сумку с учебными материалами и конспектами. Учебник по курсу «Монстроведения» весил как изрядный кирпич, а форматом соответствовал двум — жутко неудобный и тяжелый, и таскаться с ним не хотелось.

Обдумывающая домашнее задание девушка влетела в комнату.

— Силь... — и застыла, прижав к себе сумку и растерянно договорив имя подруги. — Ва...

За столом рыжей помимо нее самой теснились еще два человека, с изысканной аристократичностью, как на приеме во дворце, пьющие чай. Это Аля знала точно, как и самых людей.

Бледные лица, черные волосы (у мужчины — коротко стриженные, у дамы — до пояса), черные одеяния. Даже без гемм со знаком магистра-некроманта (перстень у мужчины и медальон у дамы) пару никак нельзя было перепутать с магами иных стихий.

— Ма... — Аля сглотнула, прижимая к себе покрепче сумку, словно ее могли отобрать. — Мама... Папа... Что вы тут делаете?!

— Мы тоже самое хотели узнать у тебя, дочка, — дама поставила чашку на блюдце, и та даже не звякнула. Аля с самого детства жутко завидовала этому умению мамы, у самой ну никак не получалось.

— Госпожа Роза Белая мне все рассказала, — с язвительной обидой проронила рыжая. — И что зовут тебя не Аля, а Олеандра, и про все остальное.

Аля виновато глянула на подругу, всеми фибрами души желая ей передать, что она ну никак не могла сказать правду! Никак-никак! И, набычившись, повернулась к родителям.

— Домой я не поеду. И в этот ваш университет некромагии тоже не пойду!

— Дочь, ты понимаешь... — попробовал ввязаться в беседу отец.

— Папа! — Аля демонстративно закатила глаза. — Да-да, я знаю и о семейной традиции, и об уровне моего дара, и о том, что Белые — самый сильный род некромантов, и о моих «обязанностях» перед семьей, страной и всем миром, — девушка явно кого-то цитировала, безбожно перевирая и передразнивая. — И о твоей, папа, договоренности с деканом этой вашей некроакадемии тоже знаю.

Похоже, госпожа Роза о ней не догадывалась, поскольку супругу достался очень многозначительный взгляд, расшифровывающийся как «дома погорим». А Аля тем временем продолжала:

— Но я не хочу! Вы можете это понять! Не хочу я!

Родители переглянулись, в этот раз объединенные общей проблемой «ребенок капризничает и не понимает перспектив своего светлого, то есть темномагического будущего».

— Но почему?

Аля со стоном уткнулась в сумку. Чувствовалось, что разговор проходил именно в таком ключе уже многократно, но в этот раз наличие переживающего за нее наблюдателя придавало девушке сил.

— Потому что не хочу. Я не хочу ограничивать себя одной сферой, я хочу творить!

Родители вновь переглянулись, и мама прохладно заметила:

— И твое нежелание менять цвет волос на черный тут не причем?

Аля смутилась. Она очень любила свои кудряшки и не раз жаловалась на несправедливость судьбы гувернантке. Прежде чем догадалась, что она все-все докладывает маме.

Ну действительно, если с древних времен принято, что некроманты должны всегда одеваться в черное и иметь черный цвет волос, почему она тоже должна следовать этой дурацкой традиции? В нынешний просвещенный век некромантия уже не считается чем-то нехорошим или поднадзорным, некромаги такие же уважаемые члены общества, как и все остальные, зачем придерживаться устаревших правил? Но, как говорится, а вот! Закостенели в своих устоях и ни на шаг в сторону. Ретрограды!

Аля гордо трянула своими светлыми кудрями.

— Я не хочу учиться в этом вашем университете. Папа, ты помнишь, как ты оставил меня знакомиться с самыми лучшими и перспективными студентами, прежде чем пойти общаться с деканом? Так вот — это стая унылых, выпендривающихся ворон с самомнением выше шпиля, которые ничего из себя не представляют!

Родители шокировано уставились на дочку.

— Но ведь там были...

— Да-да, — затараторила Аля. — Я знаю: самые лучшие представители всех сильных родов, бла-бла-бла и все такое. И если они такие зануды, то какие же остальные.

Пока родители пытались осмыслить внезапные откровения дочери, Аля добавила с самым невинным видом:

— Я вообще не понимаю, как вы получились такие классные среди подобного контингента. Может быть, в ваше время студенты были другие?

Лесть — удар ниже пояса, особенно, если она правдивая. Однако родители, взрастившие дочь и знающие ее как облупленную, не поддались на провокацию. Переговорив многозначительными взглядами с супругом, госпожа Роза попробовала зайти с другой стороны.

— Хорошо, тебе не понравился контингент университета. Ты упростила дядю подделать документы.

Аля немного смутилась. Двоюродный дядя по отцовской линии являлся «черной овцой» в славной семье потомственных некромантов Белых. «Черной» в том смысле, что отказался от славной семейной традиции и стал путешественником. Именно глядя на него Аля поняла, что и ей совершенно необязательно идти по стопам родителей, и дядюшка радостно поддержал авантюру племянки.

— Но, мы сейчас можем пойти в деканат, сообщить, что документы поддельные.

— Ну и пусть, — недружелюбно буркнула любящая дочь. — Я поступила сама, без протекции, учусь на одни пятерки, даже если меня выгонят, поступлю под своим именем, — и добавила умоляюще: — Мне здесь, очень-очень нравится!

Госпожа Роза заколебалась. Подобная настойчивость требовала поощрения, а упертость, то есть упорство в достижении цели являлось семейной чертой семьи супруга.

— Допустим. Но зачем ты разорила могилу бабушки?

Сдавленный звук, изданный Сильвой, наглядно показал, что госпожа Роза рассказала не все. Очередной отчаянный взгляд призывал подругу к молчанию, и Аля шагнула с обрыва. Фигурально выражаясь, конечно.

— Я хочу расколдовать господина Рута.

— Сама? — поинтересовался отец с ледяной вежливостью, за которой скрывалось недоверие.

Девушка сжала губы. В том числе поэтому она и не желала поступать в выбранный родителями университет, где за ней будет негласно присматривать сам декан. Такой пригляд означает хорошие оценки, не смотря ни на что, и родители бы никогда не уверились в ее настоящих способностях.

Олеандра Белая желала доказать, что она и сама на что-то годится, а не только как продолжательница рода.

— Сама, — ответила Аля и добавила с вызовом: — И, между прочим, получается!

— Заклятье с дедушки исчезло? — госпожа Роза в волнении сжала руку супруга,

поднимаясь с места.

Сильва вторично поперхнулась эмоциями, и долгое время ведущий себя прилично Пуся не выдержал.

— Маааууууу! — голосисто и залиvisto поддержал элементарь переживания своей хозяйки.

Чета Белых, не привычная к подобным концертам, вздрогнула, а Пуся добавил трагизма в голос, высказывая все, что сдерживала в себе рыжая:

— Уууу!

Господин Александр деликатно кашлянул и улыбнулся соседке своей дочери:

— Какой интересный у вас фамилиар. Громкоголосый.

Несмотря на самозабвенные подвывания элементаря, хорошо поставленный голос слышался прекрасно. Ошарашенная новостями Сильва что-то залепетала в свое и Пусяно оправдание, пытаясь успокоить элементаря. Вскоре тот перешел на курлыкание, и все успокоено выдохнули.

Аля потрясла головой, возвращая ясность мыслям.

— Нет, заклятье еще не спало, но оно ослабевает. Мы с заместителем декана Берном работаем над этим.

— Но почему ты нам не сказала? — госпожа Роза продолжала взволнованно сжимать ладонь супруга, переплетя пальцы.

— Зачем? — насторожилась девушка.

— Мы бы тебе помогли. Ты же самое дорогое, что у нас есть.

Аля открыла рот, чтобы объяснить, что она сама хотела все сделать, но в голове словно фейерверк взорвался, и все кусочки головоломки встали на место.

— Уиии! — внезапно подпрыгнула девушка и затараторила, схватив Сильву за руку: — Мама, папа, нам срочно, мы скоро вернемся, идем!

И откуда только силы взялись потащить за собой ничего не понимающую подругу.

— А... — госпожа Роза только и успела поднять руку в попытке остановить дочь, как дверь уже захлопнулась.

Чета Белых недоуменно переглянулась, а Пуся удовлетворенно курлыкнул.

— Вот! — тяжело дышащая Аля остановилась перед «статуей» декана и велела подруге: — Целуй!

— Ты что, я не могу, — зашипела рыжая. — День же, кругом люди!

И действительно — по лестнице туда-сюда дефилировали студенты, некоторые даже посматривали на девушек с иронией, мол, понятно, очередные дурочки решили, что именно их поцелуй пробудит декана.

— Да ну и что, — Аля в волнении то сжимала, то разжимала запястье подруги, словно опасалась ее бегства. — Если любишь и желаешь расколдовать, не кочевряжься — целуй!

С видом «была-не была», Сильва зажмурилась и быстро поцеловала господина Рута.

— Ага, я так и думала, — услышав удовлетворенный голос подруги, рыжая посмела открыть один глаз. Ничего не изменилось, декан так и остался «статуей».

— Теперь моя очередь.

Аля выдохнула, прогоняя волнение, и прижалась губами к щеке декана.

— Барышня, что вы делаете? — красивый баритон полнился недоумением.

Девушка отпрянула от недоуменно созерцающего окружающее ожившего господина

Эдельвульфа Рута.

— И где Предатель?

— Иии! — с боевым воплем радости Аля кинулась на шею Эдельвульфа в попытке придушить его по-родственному в объятиях. — Дедушкааа!

— Дедушка? — господин Рут невольно приобнял вешающуюся на него девицу. Аля хотела было объяснить, но краем глаза заметила знакомую фигуру на лестнице.

— Она сейчас все объяснит! — Аля еще раз звонко чмокнула дедушку в щеку и ткнула пальцем в Сильву, напоминающую выброшенную на берег рыбу, пытающуюся выдавить из себя хоть один звук.

Декан Рут, не растерявший своей импозантности, с интересом воззрился на рыженькую девушку, а Аля, притянув подругу поближе, прошептала ей с настойчивостью на ухо, желая расшевелить до обычного состояния огненного ураганчика:

— Пользуйся моментом!

А сама помчалась вниз по лестнице к замдекану Берну, замершему каменным болванчиком. Оставалось ощущение, что он словил заклинание, спавшее с его патрона и учителя.

— Он ожил! — Аля торжествующе затормозила на последней ступеньке, чуть не свалившись на мужчину.

— Значит, вы не... Вы потому... — заикаясь, пробормотал тот, сляясь одновременно смотреть на Алю и оживленно болтающую на верхней площадке парочку, красиво подсвеченную солнечными лучами.

— Это мой прадедушка! — гордо сообщила Аля. — Я разгадала загадку. «Сокровище рода» — это потомок господина Рута, а «поцелуй истинной любви» — потомок должен быть влюблен. Вот и все!

— Значит, вы в кого-то влюблены? — мгновенно помрачнел господин Берн, тяжело посмотрев на девушку исподлобья. — Я полагал, что в господина Рута и не желал портить ваше счастье. Есть кто-то другой?

Аля ошеломленно хватанула воздух ртом. Как можно быть таким глупцом? Тяжело вздохнув, сошла со ступеньки и взяла мужчину за руку:

— Все-таки, мужчины — такие болваны в любовных вопросах. Даже вы, Райли.

— Я? — глупо переспросил заместитель декана, бережно обнимая пальцы девушки ладонями.

— Вы, — счастливо улыбнулась Аля.

— Да поцелуетесь вы когда-нибудь или нет? — раздался со стены недовольный голос Рудольфа. — И на свадьбу не забудьте позвать, ироды!

Конец